

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

КАТЯ КРЫЛОВА

РЫНОК УДОБНЫХ ЖИВОТНЫХ

Культура повседневности

Катя Крылова

Рынок удобных животных

«НЛО»

Крылова К.

Рынок удобных животных / К. Крылова — «НЛО», — (Культура повседневности)

ISBN 978-5-44-482101-5

Почему в современном мире стали популярны собачки, умещающиеся в чайную чашку, кафе, в которых можно гладить кошек и капибар? С какими фантастическими тварями и повелителями драконов ассоциирует себя горожанин и какую цену платят домашние питомцы за то, чтобы стать максимально трогательными и удобными для людей? Ответы на эти вопросы автор ищет, осмысляя роли, навязанные животным в современной культуре, и прогнозируя последствия, которые может иметь такая динамика отношений между животными и людьми. Книга написана на стыке антропологии, зоологии, культурологии и этики; автор активно привлекает новейшие данные в диапазоне от академических штудий до статистики соцсетей. Катя Крылова – куратор, искусствовед, теоретик современной культуры, магистр искусств (Лондонский университет Голдсмит) и стипендиат докторантуры Кентерберийского университета (Новая Зеландия).

ISBN 978-5-44-482101-5

© Крылова К.

© НЛО

Содержание

ВВЕДЕНИЕ. КТО ТАКИЕ УДОБНЫЕ ЖИВОТНЫЕ?	6
Зачем нужна эта книга?	11
ГЛАВА 1. ЖИВЫЕ АНТИДЕПРЕССАНТЫ	16
Больше стресса, больше удобных животных	18
Животные-компаньоны в эпоху дефицита внимания	23
Искренность животных на фоне притворства людей	25
Доверие к животным в контексте обесценивания романтических связей с людьми	28
Животные в эпоху переориентации желаний	31
Компаньоны продуктивного одиночества	35
Аффективная работа трогательных животных как суррогат психотерапии	37
Животные как портативные трансфертные объекты	41
Животные как фармакологические препараты	44
Животные как телесные терапевты: потребность в тактильном этикете	46
ГЛАВА 2. СУБСТИТУТЫ ДЕТЕЙ	50
Животные-компаньоны как спутники продленного детства	53
Миниатюрные животные и родительский инстинкт	56
Невзрослеющие тела животных и бевиморфизм	58
Животные-дети в аборигенной и неолиберальной культурах	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Катя Крылова
Рынок удобных животных
Памяти Вари Назаровой и Саши Стаханова

ВВЕДЕНИЕ. КТО ТАКИЕ УДОБНЫЕ ЖИВОТНЫЕ?

«К черту! Сегодня какаю дома!» – За окном невнятная зима без солнца, и йоркширский микротерьер, герой трогательного демотиватора, отказывается выходить на улицу¹. Конечно, если его опекуна² вызовут в офис, йорк поедет с ним, но, скорее всего, снова останется в квартире – так удобнее. Когда у человека нет времени, пес пользуется лотком для кошек и не навязывается с играми. Ароматные косточки, мячики, латексная имитация тапка – он знает, чем себя занять вместо прогулки. Кажется, йорк и его человек живут на взаимовыгодных условиях: собака создает уют и обеспечивает компанию в обмен на еду, прививки и жилье с отоплением.

Чтобы разобраться в природе этих отношений, вспомним институт эмоционально емкого труда компаньонов, распространенный до массовой эмансипации женщин, времени расширения их карьерных возможностей. Незамужние девушки благородного происхождения, но без приданого, кроткие и терпеливые, разделяли досуг дам из богатых семей, сопровождали их на прогулках и в поездках. Взамен компаньонки получали крышу над головой, одежду, достойную светского визита, и иногда пособие. Важное условие подобного союза – полный отказ финансово зависимых женщин от идеи создания собственной семьи. Стремление к автономии могло привести на улицу, а гарантии трудоустройства для женщин в XVIII–XIX веках предлагала лишь одна сфера занятости – секс-работа.

Благосклонность покровительниц покупалась покорностью. Такова бедная мисс Бригс из «Ярмарки тщеславия» – Бекки Шарп сравнивает свою бесхарактерную компаньонку с пастушьей собакой, в присутствии которой она может находиться среди мужчин, не уронив достоинства мужа. Бесприданница Соня из «Войны и мира» с детства живет в доме графа и графини Ростовых, которые взяли ее в семью после смерти родителей. Из-за своего положения Соня не имеет перспектив на брак с Николаем, наследником графа, и остается ухаживать за его престарелой матерью.

Условия такого компаньонства могут показаться вполне взаимовыгодными в сравнении с другими опциями, пока мы не спросим, кто эти условия определяет и при желании пересматривает. Что случится, если бесприданница начнет капризничать, как кошка Куприна на исходе нервных 1930-х:

Все сегодня не клеится. Гонорар в газете сбавили, кошка дуется, не понимаю отчего. Доктор запретил пить кальвадос и велел лежать. Все не клеится. Но чего кошка-то обиделась?³

Хочется верить, что Куприн свою кошку любил бескорыстно и прощал ей любые капризы, интуитивно признавая право животного на собственные реакции, пусть и неудобные. Между

¹ Демотиватор был опубликован на страницах Tiffany's Teacup Yorkies в соцсетях 20 октября 2018 года. Исходный текст: Screw this. I'm pooping in the house today.

² Здесь и далее при описании этических взаимоотношений нечеловеческих животных и людей я стараюсь использовать слова, отвечающие стандартам уважительного отношения к другим формам жизни. Такой стандарт распространен в научных дисциплинах, занимающихся вопросами благополучия животных. Исследователи, представляющие это поле, обязаны использовать личные местоимения, такие как «он», «она», «его», «ее» или «который», вместо обезличенного *it* («оно»), характерного для традиционного упоминания животного в английском языке. Также этот стандарт рекомендует использовать такие фразы, как «нечеловеческие животные», «люди и другие животные», так как человек тоже является животным и представляет класс млекопитающих. Вместо «фермерских животных» и «лабораторных животных» – фраз, приравнивающих коров, овец и кроликов к атрибутам определенного человеческого пространства, – исследователи пользуются словосочетаниями «животные в лаборатории» и «животные на фермах», а вместо «домашнего животного» употребляют «животное-компаньон». Это правило распространяется на все слова, вызывающие неуважительные ассоциации у людей, поэтому ниже, при обсуждении внешних характеристик животных, я использую слово «лицо», а не «морда». Для определения роли людей в отношениях с животными-компаньонами уместным термином считается «опекун» (*guardian, keeper* или *caregiver*), а не «владелец» или «хозяин».

³ Тэффи 2016.

тем число собак и кошек, которых оставляют в приютах сегодня, упорно возвращает нас к фигуре компаньонки, которая перестала отвечать ожиданиям покровителя. Представим себе переполненный приют для бездомных бесприданниц...

Современный рынок животных-компаньонов увеличивает сбыт и предлагает ассортимент удобных – милых, покорных, неагрессивных, легко тренируемых – зверей, не предупреждая о том, что у любого животного могут быть неудобные черты характера. Обещая покупателю питомца без недостатков, продавец делает положение животного еще более уязвимым – в отличие от бедных родственниц, собаки и кошки нередко пренебрегают негласным контрактом со своими покровителями и создают проблемы.

Животное удобно, если не «портит нервы» и умеет быть незаметным. В результате чистого везения мой беспородный кот оказался удобным без побочных эффектов – он никогда не дуется и не мстит. Наша совместная жизнь строится на взаимовыгодных условиях. Поступив в аспирантуру в Новой Зеландии, я с ужасом думаю о тех неудобствах, которые ему предстоит пережить во время трансконтинентального перелета. В остальном можно считать, что коту повезло: уже десять лет он живет в квартире без лишних человеческих и нечеловеческих соседей, два раза в год посещает симпатичного врача, получает качественную диетическую еду и регулярные сеансы массажа по требованию. Несмотря на то что такой базовой заботы вполне достаточно, я замечаю в себе растущий интерес к товарам и сервисам, которые обещают сделать жизнь моего компаньона еще лучше. Поскольку совершенство недостижимо, я понимаю, что таким предложениям не будет конца. Уход за животным-компаньоном становится проще, может осуществляться по подписке, на аутсорсе и даже без участия людей. Ассортимент зоотоваров постоянно растет – рынок предлагает массу опций, способных смягчить чувство вины перед питомцем, который подолгу тоскует в одиночестве.

Животное удобно, если не давит на чувство вины. Когда автоматическая кормушка запроважена, фонтан для питья включен, а наполнитель в лотке всего недельной давности, у опекуна микроройки нет серьезных причин торопиться домой. Он может работать с командой до утра, сделать все возможное к дедлайну, а вечером вместе с коллегами отметить сдачу проекта. В это время собака будет обниматься с игрушкой, которая притворяется живой. Искусственное сердце плюшевого щенка с подогревом готово биться за нас 24 часа в сутки в течение двух недель без подзарядки, симулируя близость и снижая стресс социальной изоляции – тревожность, вызванную отсутствием у животного-компаньона компании. В свою очередь, если ваше сердце бьется неровно из-за долгой разлуки с питомцем, то во время перекуса можно подключиться к умной камере со встроенной лазерной указкой и поиграть с ним.

Постгуманистическое сознание входит в моду: людей, знакомых с повесткой научных дисциплин, изучающих этику взаимоотношений с животными, становится больше. Им некомфортно ставить свои желания выше благополучия компаньона. Для них очевидно, что процветание их кошки или собаки не сводится к безопасности и регулярному питанию – животному необходимо раскрыть свой специфический видовой потенциал, который проявляется, например, в охотничьем инстинкте⁴. Вслед за развитием этики животных на фермах представление о качестве жизни питомцев радикально меняется. Прежде их благополучие подразумевало отсутствие страдания, сегодня требует наличия удовольствий и свобод. Этот аргумент провоцирует множество крайностей – от практики самовыгула в городе до собачьего тиндера. На фоне этической дискуссии о качестве жизни животных процветает рынок развивающих игрушек, фитнес-тренажеров и роботов-компаньонов, предлагая опции как для обеспеченных людей, так и для тех, кто вынужден экономить деньги. Товары, наводнившие зоомагазины и китайский онлайн-ритейл, обещают помочь питомцам реализовать свои врожденные потребности в физической и интеллектуальной активности дома, в том числе в отсутствие чело-

⁴ Sandøe, Corr, Palmer 2015: 62.

века. Уходя на работу и оставляя животных дома, многие из нас испытывают чувство вины: мы хотим сделать все возможное, чтобы наш компаньон жил насыщенной жизнью. Технологии, развлекающие питомцев «на удаленке», стремятся нам в этом помочь, но, как и заводчики собак микростандарта, их дистрибьюторы забывают упомянуть о возможных побочных эффектах. Например, реклама умалчивает, что при интенсивном использовании неуловимая красная точка перевозбуждает животных, действует на нервы здоровым питомцам и может серьезно навредить животным со слабым сердцем. Иллюзия заботы, опосредованной технологиями, привлекательна тем, что разрешает нам взаимодействовать с животным на наших условиях – тогда, когда нам удобно. В свою очередь, рынку выгодно, чтобы сертификация товаров для непродуктивных животных – то есть тех, которые никогда не окажутся на нашем столе в виде еды, – была добровольной, то есть необязательной. Это не значит, что разработчики товаров для питомцев намеренно пренебрегают их здоровьем. Вероятность нежелательных последствий не всегда очевидна производителям новых гаджетов, так как оценка их воздействия на животных требует ветеринарной экспертизы.

Животное удобно, если ежедневная забота о нем занимает меньше получаса. Думая о животных микростандарта, таких как йорк, способный жить без прогулок, я постоянно возвращаюсь к мысли о комбини⁵ – японских круглосуточных минимаркетах, где в четыре утра можно купить свежую рубашку и носки офисных расцветок, сухой шампунь, освежающие маски для лица, готовый завтрак, банку горячего кофе и даже набор для экстренного маникюра. Покупка товаров, обеспечивающих гигиенический и энергетический минимум, входит в привычку. Такой выбор отражает новый образ жизни, связанный с постоянным преодолением непредвиденных обстоятельств. У касс комбини можно встретить знаменитостей и бездомных, владельцев авторских таунхаусов и арендаторов квартир без кухни и душа. Каждый из них знает, где лежит нужный продукт в любом из филиалов сети, сколько он стоит и каким будет на вкус. Даже турист не станет покупать суши в комбини, если есть время на ресторан, но в нужный момент покупка быстрого обеда помогает удержаться в плотном потоке дел и сохранить энергию для решения приоритетных задач. Культура комбини максимально экономит время, которое в прошлом люди тратили на себя – на еду, гигиену, лечение, внешний вид. Компактные минимаркеты шаговой доступности создают редкие зоны комфорта, в то время как жизнь за их стенами становится все менее предсказуемой. Рабочее и даже домашнее пространство сегодня трансформируется в среду профессионального и личностного роста, то есть *контролируемого* стресса. В сверхплотных кварталах Токио именно минимаркет остается зоной минимальной тревожности, пространством, открытым в любое время и на каждом углу, безопасным, практичным, неизменным.

Удобные животные демонстрируют похожие качества и выполняют те же функции, что и минимаркеты: создают зону комфорта в условиях нехватки времени, дефицита любви и признания. Миниатюрные питомцы снимают стресс в условиях уплотнения жизненной среды – урбанизации вглубь. Благодаря экономическому подъему растут и развиваются города. В спальных районах появляются небоскребы. В стремлении быть ближе друг к другу новые многоквартирные здания уничтожают деревья, газоны, зеленые дворы. Дистанция между квартирами и парками растет. Хаски стандартного размера, скучающие по ежедневным физическим нагрузкам, разъезжаются в пригороды, уступая место своим миниатюрным версиям – помски, гибридам сибирского хаски и померанского шпица, – милым, тихим и легким в уходе собакам. Сердитые брови, унаследованные от хаски, на лице микростандарта выглядят еще более трогательными. Недавно я встретила помски на ярмарке современного искусства. Он дремал в прозрачном рюкзаке за спиной хозяйки, не подозревая, что помогает ей умножать социаль-

⁵ Комбини (#####) – «удобные магазины», производное от *convenience store*.

ный капитал. В пространстве всеобщего напряжения, набитом коммерческим искусством, на которое многим присутствующим было стыдно смотреть, помски казался отдушиной.

Появляться с животным-компаньоном в общественных местах удобно, если она или он всем нравится. Всего десять лет назад миниатюрные животные не были такими популярными. «Как вам живется с такой собакой?» – спросила я свою соседку, опекуна японского хина (в интернете порода описана как «кошкоподобная»). «Прекрасно! Где посадила, там и сидит. Как игрушка!» Это сравнение никак не стирается из моей памяти. Сегодня собаки стандарта *toy* (мини) сменяются на *teacup* – неестественно компактные версии – и пересаживаются из дамских сумок в рюкзаки унисекс⁶. Микрособаки из символа праздности переходят в разряд ресурсов для поддержания высокой производительности труда. Помски, йорки, шпицы становятся портативными средствами психологической разрядки. Эта функция открывает новую нишу для монетизации животных-компаньонов и их изображений.

Животное удобно, если занимает меньше двух процентов жилой площади. Ситуация с квартирами в центре города располагает к выбору пуделя в масштабе 1:3 от стандартного размера породы. В Европе и США развивается культура миниатюрных частных домов и апартаментов для добровольно бездетных людей (чайлдфри). Растет число таунхаусов и квартир, приобретенных компаниями одиноких друзей, которые решили оставить попытки завести семьи. По всему миру строятся комплексы микростудий для молодых профессионалов. В исторические кварталы Москвы и Санкт-Петербурга вернулась традиционная для прошлого века культура коммуналок, но сегодня такой выбор доброволен и сближает людей с комфортными характеристиками и похожим образом жизни. Студенты и недавние выпускники, менеджеры среднего звена и работники культурных или образовательных институций мечтают поселиться в историческом центре. Не имея средств на аренду отдельной квартиры, они вынуждены снимать жилье вместе с друзьями или коллегами. В таких условиях для крупных собак нет места. Они становятся признаком роскоши, символом успешной жизни.

В этом контексте жизнерадостный веймаранер⁷, мой знакомый с Патриарших прудов, олицетворяет собой изобилие: возможность его опекуна жить в отдельной, относительно просторной квартире, гулять по Бульварному кольцу в разгар теперь уже круглосуточного рабочего дня или платить за продолжительный выгул тому, кому не повезло с престижным трудоустройством. Однако, чтобы завести крупную собаку, необходим не только высокий доход, но и многолетняя эмоциональная преданность – обязательство, которое в наиболее полной мере раскрывает непере译имое на русский язык понятие *commitment*. Такая лояльность по отношению к животному сравнима с ипотекой – настолько ощутимы затраты времени, энергии и денег на ежедневное участие в жизни крупной собаки с генами гончих, ездовых или бойцовых пород. Подобное положение дел противоречит всему, что происходит на рынке труда, включая рост конкуренции и объемов неоплачиваемой работы.

⁶ Собаки стандарта *toy* – это миниатюрные версии средних и крупных пород, вес которых не превышает семи килограммов. Маркер *toy* (от английского «игрушка») в названии стандарта подчеркивает ассоциацию с мягкими игрушками. Слово *teacup* (от английского «чайная чашка») применяется для обозначения собак, которые в два-три раза меньше особей *toy*-стандарта. Так называемые собаки «из чайной чашки» – неофициальный стандарт, не получивший одобрения ассоциациями собаководов. Иногда под лейблом *teacup* продают мелких *toy*-щенков, которые во взрослом состоянии достигают веса шесть-семь килограммов.

⁷ Веймаранер (Weimaraner) – крупная порода охотничьих собак, относится к типу старонемецкой короткошерстной легавой. Исторически веймаранеры разводились в Тюрингии (восточной части современной Германии) для охоты на кабана, оленя и медведя. Отличаются красотой и изяществом, из-за серебристо-серого окраса и светло-серых глаз веймаранеров называли «серебряными призраками». В последние десятилетия порода приобрела всемирную известность благодаря работам американского художника Уильяма Вегмана, который уже более 40 лет снимает портреты своих веймаранеров в человеческой одежде. Вегман подчеркивает удобство работы с породой: охотничьи собаки хорошо держат позу, так как веками тренировались замирать, указывая на добычу. Содержание веймаранеров в городских условиях требует времени и усилий, так как им необходимы долгие прогулки и активные игры, также веймаранеры тяжело переносят одиночество.

Концепция серьезных отношений выходит из употребления почти во всех сферах, кроме трех смежных областей – профессиональной, творческой и сферы саморазвития. Креативная экономика превратила работу за деньги в труд по самоактуализации. Такой труд предполагает предельную вовлеченность и занимает максимум времени вне сна. Решив рабочие задачи, многие из нас переключаются на развитие профессиональных навыков, освоение культурного минимума выставок и книг, необходимого для светской беседы, поиск новых проектов и полезных контактов. Дефицит времени поощряет спрос на отношения с минимальной ответственностью. В результате в новые коммуны молодых людей, не принадлежащих самим себе, заселяются самодостаточные кошки – бенгалы и тойгеры. Их гипоаллергенные тела не тормозят процесс поиска новых жильцов, текучка которых неизбежна. Чаще соседские животные расцениваются как бонус для тех, чья жизнь слишком непредсказуема, чтобы завести своих. Те, кто привык к собакам, покупают или забирают из приютов пуделей и такс самого компактного формата из доступных. Как и носимые технологии, микроживотные становятся нормой городской жизни. В обзорах модных пород маленьких собак по инерции называют декоративными, но это определение давно устарело: миниатюрные животные становятся средством выживания. Мобильные, ласковые, послушные и ненавязчивые компаньоны, дружелюбно настроенные к незнакомым людям, несводимы к популярным аксессуарам, сегодня они выполняют множество функций, главная из которых – *снижение стресса*.

Зачем нужна эта книга?

Этика отношения к животным-компаньонам ставит перед нами множество вопросов. Как именно стратегии выживания в большом городе влияют на рынок животных и товаров для них? Куда исчезают злые собаки? Какие функции приходят на смену историческим ролям прирученных зверей и птиц – телохранителей, охотников, перевозчиков, почтальонов? Почему *дизайнерские животные* мешают людям ценить другие формы жизни и культивировать межвидовое общение за пределами квартиры? Как скоро удобные животные надоедают своим приобретателям? Частично ответы на эти вопросы можно найти, изучая современные практики селективного отбора кошек и собак. В изменении анатомических и поведенческих характеристик породистых питомцев отражается реакция рынка на потребности и предпочтения людей. Не менее важной задачей является исследование устойчивых схем репрезентации питомцев в социальных сетях и продуктах индустрии развлечений. В этой книге я рассматриваю различные роли, навязанные животным-компаньонам в современной культуре, и пытаюсь осмыслить долгосрочные последствия их использования для удовлетворения потребностей людей с позиции современной критической теории, прежде всего философии природы, этики животных и антропологии.

Динамику отношений между людьми и их питомцами я предлагаю изучать на фоне растущего количества изображений животных в интернете. В стремлении преодолеть традицию разделения питомцев на реальных и виртуальных, а повседневного пространства на бытовое и фантазийное я рассматриваю живых кошек и собак во взаимосвязи с экранными персонажами, в частности с фантастическими тварями – драконами, гиппогрифами, морскими конями. Критический анализ их функций показывает, что между питомцами микростандарта и гигантскими монстрами-компаньонами из фильмов и видеоигр последних двух десятилетий больше сходств, чем различий. И те и другие формируют комфортные межвидовые сообщества и охраняют их рубежи, отвлекая нас от новостей о вымирании харизматической мегафауны – жирафов, леопардов и панд. Обещая отдых от ответственности и эмоциональную разрядку, реальные и фантастические животные функционируют как партнеры по созданию единого пространства психологического комфорта, а потому рынок животных-компаньонов и современный цифровой bestiary необходимо изучать как взаимосвязанные явления.

Первая глава книги – «Живые антидепрессанты» – исследует причины появления на рынке миниатюрных кошек и собак, которые позиционируются как *переходные* (трансфертные) объекты – живые антистрессовые игрушки. Почти шестьдесят лет назад детский психиатр Борис Левинсон опубликовал в журнале *Mental Hygiene* статью об эмоциональном эффекте от присутствия собаки на сеансах терапии. С тех пор идея *полезности* питомцев для снижения стресса нашла широкое коммерческое применение. В период экономического спада в Японии 1990-х годов владельцы котокафе монетизировали расслабляющий эффект тактильного общения с кошками. Впоследствии появились контактные приюты и питомники других «кавайных» животных – кроликов, ежей и сов. Сегодня социализированные собаки используются как инструменты эмоциональной поддержки в офисах, университетах, аэропортах, больницах, хосписах, залах суда и тюрьмах. Кошки и собаки становятся агентами психологической разрядки, и это влияет на характер их позиционирования в соцсетях. Трогательные животные и их изображения превращаются в универсальное лекарство от любых негативных переживаний. Рост нагрузки на психическое здоровье побуждает нас заводить удобных животных дома для регулярной профилактики тревожности. Концепция *жестокое облегчение* Эллисон Пейдж позволяет увидеть, что трансформация питомцев и их изображений в антистрессовый фастфуд лишь смягчает симптомы психических расстройств, но игнорирует источник проблемы.

Глава «Субституты детей» исследует феномен *невзрослеющих* животных. Такие собаки и кошки на протяжении жизни сохраняют внешние и поведенческие черты, характерные для молодых особей. Ученые называют этот процесс «неотенизация», он является естественным эффектом селекции животных, готовых к контакту с человеком. Идея философа И-Фу Туана о прямой зависимости между детской внешностью и уровнем послушания питомцев нашла подтверждение в результатах эволюционного эксперимента по одомашниванию черно-бурых лисиц. В условиях свободного рынка тенденция к закреплению детских черт в облике и поведении взрослых животных привела к экстремальной миниатюризации тел породистых собак и кошек. Чтобы удовлетворить спрос на животных-детей, заводчики ускоряют эволюцию и без того компактных животных, скрещивая самых маленьких особей в помете. Питомники расширяют ассортимент подобных животных, создавая гибридов крупных и карликовых пород, например минскинов, носителей генов манчкина (коротколапой кошки) и канадского сфинкса. Вес минскина во взрослом состоянии не превышает трех килограммов. Производство питомцев неофициального стандарта *teacup* делает породистых животных еще более уязвимыми – миниатюрные собаки и кошки подвержены риску серьезных повреждений из-за ушибов и падений, а также различным наследственным заболеваниям. Компактность и ранимость позволяют сравнить таких животных с маленькими детьми, что, в свою очередь, подчеркивает их потребность в повышенной заботе. Отношение к питомцам как к детям в костюмах зверей, прежде исключительное или временное явление, становится новой нормой. Концепция *петшиизма* Энн Фридберг (от *pet* – «домашнее животное» – и «фетишизм») помогает приблизиться к пониманию причин этой тенденции и предлагает аргументы для этической оценки ее возможных последствий.

Глава «Компаньоны в потреблении» посвящена метаморфозам этики заботы на рынке товаров и услуг для животных-компаньонов. Ответить на вопрос, почему люди проецируют собственные представления о благополучии на животных, мне помогла теория *расширенного «Я»* Рассела Белка. Его идеи позволяют выделить признаки объективации питомцев в нашем повседневном отношении к ним и задуматься о том, что забота, выраженная в потреблении, прежде всего увеличивает производство зоотоваров, а не улучшает качество жизни животных. Свободный рынок искажает идею равенства разных форм жизни и другие тезисы постгуманистической этики, предлагая нам относиться к питомцам так же, как к людям. Эта позиция привела к беспрецедентному расширению ассортимента необязательных товаров и сервисов. Так, проект мобильного приложения для знакомств, ориентированный на животных-компаньонов, призывает вернуть в их жизни регулярный секс, хосписы – обеспечить «человеческую» смерть, а адвокаты по опеке – наиболее комфортную среду после развода «родителей». Идея заботы о питомце как о ребенке поощряет избыточное потребление и создает риск злоупотреблений. Критический анализ доступных на рынке товаров и услуг показывает, что вместе с полезными, а также ненужными, но безобидными для животных опциями заботы нам предлагают потенциально опасные продукты и сервисы.

Глава «Прекарные работники» рассказывает о функциональной роли, которую животные-компаньоны получили в системе производства и потребления, характерной для неолиберальной культуры. С развитием медиатехнологий у людей не осталось причин относиться к питомцам как к привилегированной категории безработных сожителей, освобожденных от трудовых повинностей. Сегодня кошки, собаки и их изображения выполняют невидимый труд по снижению всеобщей тревожности. Некоторые животные продолжают выполнять общественно значимую работу. Например, обученные соколы патрулируют взлетно-посадочные полосы в поисках голубей и чаек, а раки тестируют воду на наличие токсинов в системе городского водоснабжения. В отличие от них, животные-компаньоны заняты в нерегулируемом секторе – на производстве контента для социальных медиа. Развивая идеи Николь Щукин о монетизации витальности животных в эпоху позднего капитализма, я анализирую истории питомцев

глобального прекариата, занятых привлечением дополнительного дохода для своих опекунов. Чтобы собирать лайки и комментарии, которые сегодня конвертируются в спонсорские контракты, животные-компаньоны демонстрируют свою жизнерадостность, забавные привычки и все чаще – болезненность (речь об аккаунтах животных с ограниченными возможностями, внешними дефектами или признаками геномных патологий). Хронически больные животные в ленте обеспечивают подписчикам ежедневную дозу сентиментальности, как селебрити-кот Монти, напоминающий о проблеме синдрома Дауна, или порцию смеха, как «пьяный» шитцу Марни, собака с нарушениями вестибулярного аппарата. Изучая эти и другие примеры, мы можем составить представление о влиянии трогательных питомцев, окруженных заботой и вниманием, на гармонизацию наших отношений с неолиберальной культурой.

Глава «Транскультурные медиаторы» рассматривает животных-компаньонов как посредников в установлении первого контакта, развитии межличностных отношений, продвижении новых идей, технологий и сервисов. Харизматичные животные вызывают доверие к любым товарам, в рекламе которых участвуют. Сегодня питомцы поддерживают вовлеченность людей в циклы непрерывной продуктивности (работы, потребления, социализации), искусно манипулируя эмоциями. Они помогают смягчить негативные переживания, умерить завышенные амбиции и подавить вспышки неудовлетворенности. Невинность, неспособность к манипуляции, верность, безбидность и другие качества, которые люди склонны приписывать животным-компаньонам, способствуют продвижению противоположных идей: толерантности и экстремизма, критического мышления и конформизма, экологической грамотности и импульсного потребления. Опираясь на идеи Джоди Берланд о посреднических функциях животных в эпоху цифровой культуры, я исследую новый тип виртуальных монстров-компаньонов, которые примиряют нас с реальностью шестого вымирания⁸ и формируют ложные представления о потребностях диких животных в человеческом участии.

Исполняя роли детей и возлюбленных, психотерапевтов и рекламных агентов, навязанные неолиберальной культурой, животные-компаньоны, как и любые другие формы жизни, время от времени проявляют свою субъектность. В такие моменты они демонстрируют естественное стремление к автономии, непостижимые для нас поведенческие реакции и странные предпочтения. «Жизнь с питомцем можно рассматривать как упражнение в смирении, – пишет Эрика Фадж. – Мы смотрим на своих домашних животных и понимаем, что не знаем и не можем знать (и чувствовать) всего»⁹. Истории нетипичного поведения животных, например нежной дружбы котов с собаками, птицами или рыбами и другие случаи межвидовой солидарности «природных врагов», встречаются нам в социальных сетях. Другие примеры – в материалах новостных агентств, которые рассказывают об ушедших «в отрыв» чихуахуа и минипигах. Третьи, наиболее редкие и ценные образы, появляются в текстах философов и писателей, внимательно наблюдающих за своими компаньонами. В таких историях удобные животные исполняют роли *неототемов*, как назвал их Доминик Петтман. Некоторые из этих животных реальны, как коты Александра Гениса, другие вымышлены, как постапокалиптические питомцы Линор Горалик, заговорившие по-человечески на страницах романа «Все, способные дышать дыхание». Глава «Неототемы» рассказывает о способности удобных животных к импровизации и предлагает увидеть в них наставников в сопротивлении негативным эффектам неолиберального режима.

⁸ Шестое, или голоценовое, вымирание – это процесс массового исчезновения животных и растений на протяжении последних двухсот тысяч лет в связи с возникновением и деятельностью человека. Шестое вымирание характеризуется исчезновением мегафауны, наземных животных весом от 45 кг, а также деградацией биологически разнообразных экосистем, таких как коралловые рифы и тропические леса. Элизабет Колберт подробно анализирует этот процесс в книге «Шестое вымирание. Неестественная история». Голоценовое вымирание называют шестым, поскольку по масштабу оно сопоставимо с пятью крупнейшими вымираниями живых организмов в истории Земли.

⁹ Fudge 2008: 46.

Говоря о неолиберализме в контексте отношения к животным-компаньонам, я ориентируюсь на исследование культуролога Джули Энн Уилсон, которая рассматривает тревожность, неуверенность, неравенство и другие эксцессы этой идеологии как следствие изменения ценностей индивидуализма. Вместо частной собственности, личных прав и свобод – идеалов либерализма – приоритетом нового человека становится профессиональное признание. «Неолиберальные индивиды – это личности, которые думают о себе и относятся к себе как к инвестиционному проекту, постоянно работают над тем, чтобы повышать собственную ценность с течением времени, – пишет Уилсон. – Как человеческий капитал, личность всегда имеет перспективы для развития, экспансии, максимизации и оптимизации»¹⁰. Императив саморазвития побуждает людей оценивать любые отношения, не связанные напрямую с приобретением конкурентных преимуществ на рынке человеческих ресурсов, как второстепенные. А это значит, что резерв времени и энергии, которые можно потратить на заботу о животных-компаньонах, сегодня расходуется на работу.

С неолиберализмом тесно связана концепция *самозамкнутого индивидуализма*. Социолог Аналуиз Китинг ввела этот термин, чтобы разграничить неолиберальный эгоцентризм и более позитивные проявления индивидуализма – агентность, автономию и свободу воли¹¹. Самозамкнутый индивидуалист проводит четкую границу между собой и другими, полагается только на себя, а окружающих воспринимает исключительно как препятствие (конкурентов и неудачников) или ресурс для продвижения (потенциальных инвесторов, менторов, экспертов)¹². В этой парадигме любой человек, животное, событие или действие оцениваются по критерию *полезности*.

Продуктивность животных-компаньонов в эпоху неолиберализма реализуется в поле *аффективной работы*. Философы Майкл Хардт и Антонио Негри определили эту форму труда как деятельность по производству и манипуляции аффектами¹³ – психофизиологическими реакциями организма на внешние стимулы. Мобилизация харизматичных животных-компаньонов для психологической поддержки людей эксплуатирует их способность провоцировать позитивные аффекты – приятные нам эмоциональные переживания и соответствующие им физиологические изменения, включая синтез гормонов доверия и привязанности. В этом контексте жизнерадостность, просоциальное поведение, трогательная внешность и другие качества удобных животных приобретают рыночную стоимость. Стремление усилить эти черты задает соответствующие критерии селекции кошек, собак и других животных, предрасположенных к приручению.

В связи с антистрессовым потенциалом удобных животных в книге упоминается *эстетика каваяи*. Сегодня она служит ориентиром для создания и репрезентации множества трогательных товаров, сервисов и персонажей. Применение такой эстетики в дизайне и репрезентации живых и цифровых животных-компаньонов я называю *обмилением*. Для понимания эффекта каваяи необходимо подчеркнуть неоднозначность этого феномена: производство уютных, округлых, нежных и компактных кавайных персонажей включает позиционирование их в качестве уязвимых, инфантильных, зависимых, безобидных и иногда невежественных. Многие из этих характеристик провоцируют асимметричные отношения покровительства и подчинения и исторически используются в патриархальных культурах для репрезентации женского идеала. Культивация таких черт отражает традицию сексуальной объективации, а потому в критической теории рассматривается как практика создания ситуаций неравенства¹⁴. Исследо-

¹⁰ Wilson 2018: 65.

¹¹ Keating 2013: 3.

¹² Ibid: 171.

¹³ Hardt, Negri 2004: 108.

¹⁴ Galbraith 2011: 104.

вание возможных негативных последствий асимметричных отношений между людьми и трогательными животными имеет важное значение для развития этики взаимодействия с ними.

Переходя к анализу функций удобных животных, я хочу подчеркнуть, что каждые отношения индивидуальны. Так, трогательный аксолотль, которого подарили моей знакомой, не справлялся с задачей снижения стресса, потому что пугал ее своим пристальным взглядом, а Лёля, в прошлом уличная собака моих соседей, не смогла работать медиатором социального взаимодействия, так как не умеет скрывать *дикий* восторг при виде людей. Исследование, представленное в этой книге, не является попыткой свести многообразие отношений между людьми и их животными к нескольким категориям, но стремится создать карту актуальных тенденций, которые с разной степенью интенсивности влияют на повседневную жизнь наших компаньонов. Сегодня эти тенденции развиваются в рамках ценностей неолиберальной культуры, среди которых – индивидуализм, свобода и разнообразие потребительского выбора, гибкость обязательств и социальных институтов. В будущем факторы, определяющие положение животных в мире людей, будут другими. Неизменное значение сохранит лишь привычка задавать открытые вопросы, рассуждая о природе наших взаимоотношений с кошками, собаками и другими нечеловеческими агентами – своими и чужими, молодыми и взрослыми, харизматичными и непримечательными. Такую привычку я и предлагаю приобрести, начав с этической оценки того, как мы представляем своих животных в социальных медиа.

На страницах этой книги время от времени появляется мой кот, животные знакомых и незнакомых мне людей. Это происходит не потому, что они – самый доступный материал для обсуждения, а потому, что я верю в ценность *автоэтнографии* и *ситуационного знания* и учусь видеть материал для этического анализа в повседневной жизни¹⁵.

В контрасте с этими сюжетами выступают антропологические и социологические исследования различных аспектов взаимодействия с животными в Великобритании, США, Израиле, Японии и других странах мира. Авторы этих проектов изучают явления, ставшие результатом глобализации – столкновения неолиберальных идей и ценностей с локальными культурами и экономиками.

Некоторые векторы социокультурных трансформаций описаны в книге схематично, так как их анализ не является приоритетной задачей этого исследования. Также на страницах «Рынка» я в основном анализирую негативные тенденции, но это не значит, что они не встречают сопротивления в виде инициатив зооактивистов и всех тех, кто неравнодушен к страданиям животных. Тем не менее в рамках экономики внимания, ориентированной на позитивные аффекты, их голоса звучат слабо и нуждаются в нашей поддержке.

Признаки каждой из упомянутых в книге тенденций заметны в России, так как рынок животных-компаньонов и современные виртуальные зверинцы являются компонентами транснациональной системы производства и потребления. Приводя примеры из жизни американских собак, я не утверждаю, что в нашей стране войдут в моду костюмированные пасхальные вечеринки с питомцами, но уверена, что знание о том, как меняется жизнь животных и их людей в Европе, Америке и Азии, поможет нам сформировать адекватные представления о значении межвидовой дружбы и избежать многих ошибок в репрезентации своих компаньонов.

¹⁵ Автоэтнография – метод качественного исследования, предполагающий описание и анализ собственного опыта (auto) в контексте общих культурных, социальных и политических реалий. Цель его применения – интерпретация современной автору текстовой и визуальной культуры, нравов и практик (ethno). Под ситуационным знанием я имею в виду концепцию, которую Донна Харауэй сформулировала в рамках феминистской критики идеала объективности в науке. Настаивая на ценности мнения конкретного познающего субъекта, Харауэй подчеркивала, что восприятие субъективно, оно отражает географический и исторический контекст. Это значит, что условия, под влиянием которых находится исследователь, непрерывно структурируют и преобразуют ее или его видение.

ГЛАВА 1. ЖИВЫЕ АНТИДЕПРЕССАНТЫ

В книге «Капиталистический реализм» философ Марк Фишер сравнил современную экономическую систему с биполярным расстройством¹⁶. Для многих людей экономика резких и частых подъемов и спадов стала источником непрерывного стресса и, как следствие, триггером развития психопатологий. Согласно Фишеру, в эпоху постиндустриального производства проблема распространения ментальных и аффективных расстройств, которые развивались как «невидимая эпидемия» с 1750 года (с начала промышленного капитализма), достигла нового уровня¹⁷. Как следствие, обострилась потребность в психотерапии и вырос спрос на доступные средства поддержки психического здоровья. В их числе оказались животные – сперва как вспомогательный элемент клинической психотерапии, способный повысить эффективность консультаций и медикаментов, затем как метод самолечения на дому. Рост потребности в эмоциональной поддержке и поток научных исследований, подтверждающих способность животных снижать уровень тревожности, побуждают нас заводить питомцев. В ответ на спрос рынок модифицирует тела животных, чтобы усилить эффект взаимодействия с ними. Польза контакта измеряется уровнем серотонина и окситоцина (гормонов счастья и доверия), которые наш организм вырабатывает в ответ на приятные ощущения.

Чтобы разобраться в социокультурных тенденциях, провоцирующих подобную реакцию рынка, необходимо изучить причины роста психологического дискомфорта в нашей повседневной жизни. Поэтому в первой части главы я рассматриваю внешние факторы, которые влияют на развитие таких состояний, как синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ). Во второй части я анализирую практику производства животных-компаньонов стандарта *teacup* в контексте распространения тревожных расстройств и депрессий. Изучив траектории, вдоль которых меняется психологическое состояние людей, мы разберемся, почему животных-компаньонов нельзя рассматривать как неисчерпаемый источник эмоциональной поддержки, а тем более как альтернативу психотерапии.

Причин, по которым современный человек теряет психическое здоровье, становится все больше, к тому же интенсивность стрессовых воздействий растет. В этом контексте животные не справляются с навязанной им функцией заботы о нашем эмоциональном состоянии. Осознание этой ситуации поможет нам критически взглянуть на приемы прямой и косвенной рекламы, где кошки и собаки показаны в качестве доступного и эффективного лекарства против стресса и жизненных разочарований.

Истоки роста психического напряжения стоит искать прежде всего в механизмах производства и потребления, характерных для когнитивной экономики (экономики знаний и инноваций). В системе, для которой основным ресурсом роста является интеллектуальный и творческий потенциал людей, основная нагрузка приходится на психику. Так как компании ориентируются на максимизацию прибыли, воображение, логика, интуиция, эмоции как средства производства эксплуатируются на предельно высоких оборотах. Чтобы поддерживать работоспособность сотрудников, занятых интеллектуальным, творческим и эмоциональным трудом, создаются новые мотивационные схемы и средства стимуляции мозговой активности, в том числе различные фармакологические препараты.

Философ Тициана Терранова отметила парадоксальный характер организации труда при когнитивном капитализме¹⁸. С одной стороны, производство информации, идей, знаний, оценок, решений и впечатлений требует творческой свободы и переключения режимов активно-

¹⁶ Fisher 2009: 35.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Terranova 2013: 50.

сти, поэтому компании готовы предоставить сотрудникам практически полную автономию в организации своего труда, включая гибкий график и возможность работы за пределами офиса. С другой стороны, успех таких бизнесов зависит от способности сотрудников создавать продукт высокого качества в сжатые сроки, что фактически исключает возможность отдыха. Специфика некоторых сфер наглядно отражает этот конфликт – например, работа инвестиционного аналитика или сценариста телевизионных шоу. Одним из эффектов такого противоречия становится согласие людей работать на износ без прямого принуждения. Ответственность за высокие бюджеты, стремление перевыполнить KPI, получить повышение и улучшить репутацию, а также внимание к качеству выпускаемого продукта побуждают людей работать сверхурочно, воспринимая это решение как добровольное. Фактически труд превращается в угнетение – прежде всего из-за коротких сроков производства, диктуемых рынком, и постоянной зависимости работников от зарплаты и гонораров, которые тратятся на кредиты и поддержку образа жизни «среднего класса». Токсичные эффекты этого процесса – неврозы, депрессия, гипертония и бессонница – усугубляются пропорционально росту инвестиций в ту или иную сферу нематериального труда, которая оценивается как потенциально прибыльная. Увеличение финансирования сектора вызывает приток квалифицированных кадров и ужесточение профессиональной конкуренции. Рост объемов, масштабов и сложности проектов повышает ответственность сотрудников за их реализацию. В результате интенсивность труда достигает критического уровня – интеллектуальная и творческая работа становится более опасной, чем некоторые индустриальные специализации, вред которых признан институционально и потому предполагает четкие правила техники безопасности и гигиены.

Больше стресса, больше удобных животных

Работа, содержание которой представляет собой мыслительный процесс, в условиях свободного рынка и неограниченной конкуренции превращается в *непрерывный стресс*. «Как измерить когнитивный труд, выполняемый ученым, художником, учителем, дизайнером или писателем? Они когда-нибудь перестают работать, то есть думать?»¹⁹ – рассуждая о природе интеллектуального и творческого труда, Терранова сформулировала вопросы, которые помогают понять, почему увлекательный процесс производства знания имеет обыкновение выходить за пределы времени и пространства, отведенных для работы. Интенсификация конкуренции, с одной стороны, и снижение работоспособности из-за накопленной усталости, с другой, способствуют тому, что режим работы без отдыха становится доминантным, а отказ от права на личное время – привычным. Эту тенденцию очень точно иллюстрируют разнообразные демонстраторы, которые наводнили соцсети в ответ на корпоративные стратегии повышения трудового энтузиазма. Фоновыми картинками для таких мемов служат фото трогательных животных-компаньонов, которые спят мертвым сном – лицом в подушку.

Другая особенность когнитивного труда связана с переживанием стресса, обусловленного не столько скоростью, сколько содержанием работы. Психологическое напряжение всегда сопровождает процесс поиска оригинальных идей и решений, принятие репутационных рисков, обработку критических комментариев. В этом контексте выход из зоны комфорта и работа в обстановке *контролируемого* стресса, связанного, например, с освоением новых навыков и форматов деятельности, рассматриваются как универсальная стратегия профессионального развития. Между тем немногие из нас представляют, какой уровень тревожности способны контролировать и какая норма дискомфорта будет продуктивной в той или иной ситуации. Как правило, стресс становится неконтролируемым раньше, чем мы успеваем заметить симптомы эмоционального выгорания. К тому же, оказавшись на стадии нервного истощения, работники когнитивного труда редко выбирают заботу о здоровье и предпочитают доделать работу до конца. Делегировать завершение *авторского* проекта нелегко, скорее по определению невозможно.

Принципом самоорганизации при когнитивном капитализме стал жестокий оптимизм. Этот термин введен философом Лорен Берлант для обозначения наших стремлений к реализации той или иной амбиции вопреки здравому смыслу²⁰. В таких ситуациях абсурдность цели делает усилия бессмысленными. В качестве примеров можно привести сохранение токсичных отношений в надежде на создание семьи или паллиативное лечение смертельно больной собаки, которая страдает от боли и не может двигаться. Принципиальная невозможность достижения желаемого результата, встроенная в подобные ситуации, характеризует пребывание в них как проявление жестокости по отношению к себе (*ил. 1*). Благодаря неолиберальному императиву «Все возможно!» жестокий оптимизм процветает во всех сферах нашей жизни, заставляя терпеть повышенные нагрузки в надежде на успех как награду за тяжелый труд.

¹⁹ Ibid.: 48.

²⁰ Berlant 2011: 1–2.

Ил. 1. Кейси Грин (KC Green). «В огне», вебкомикс из серии Gunshow, 2013. В 2014 году после публикации первых двух кадров комикса на Reddit он стал популярным мемом, а выражение «Все в порядке» (This is fine) приобрело противоположный смысл.

Сегодня привычные модели жизни и работы устаревают раньше, чем формируются новые. В результате стремление к традиционным компонентам благополучия – приобретению квартиры, достижению высокого профессионального статуса, созданию семьи – становится препятствием для осознания и удовлетворения собственных интересов. Преследование недостижимых показателей успеха рано или поздно приводит к эмоциональному истощению, развитию тревожности и депрессии. Жилплощадь, зарплата, отношения – все три стереотипных слагаемых счастья удастся собрать немногим. Между тем именно просторная квартира, высокая зарплата и семья обеспечивают возможность содержать крупную собаку и достойно ухаживать за ней в течение 15–18 лет, летая при этом в командировки и работая на износ. В квартирах одиноких жестоких оптимистов выживают лишь удобные животные – незаметные и легкие в уходе. Они не требуют внимания, когда их опекуны заняты, в то же время помогают переживать стресс, если человек инициирует контакт – а к нему они всегда расположены.

В последние два десятилетия жестокий оптимизм питает карьерные амбиции в развивающихся экономиках. В России, как и в странах развитого капитализма, перспектива постро-

ить успешную и продолжительную карьеру в корпорациях или предпринимательстве с нуля становится все менее вероятной. Социолог Ален Эренберг, исследующий симптомы самоизноса, связывает рост депрессивных расстройств во второй половине XX века с углублением конфликта между верой человека в безграничные возможности и действием неподконтрольных факторов, препятствующих индивидуальному успеху²¹. Надежда на достижение желаемого, длинная история уже потраченных усилий и пристрастие к непрерывной самоактуализации побуждают людей предпринимать все новые попытки проявить себя, теперь уже в разных сферах – для подстраховки. Мы все больше работаем ради работы. Откликаясь на вакансии, отправляя заявки на гранты, налаживая связи или наращивая свою популярность в соцсетях помимо основной работы, многие из нас балансируют на грани эмоционального выгорания, часто откладывая полноценный отдых и удовольствия. Это превращает карьерное соревнование в эстафету жертвенности. Кажется, что при равно выдающихся способностях выиграет тот, кто откажется от опыта, обязательств и даже людей, непосредственно не связанных с профессиональным развитием и ростом дохода. В числе таких необязательных контактов оказываются животные-компаньоны – интервалы повседневного взаимодействия с ними сужаются, забота сводится к минимуму или делегируется. По этой же причине знания о потребностях и особенностях животных становятся поверхностными и фрагментарными, так как поиск и изучение заслуживающих доверия научных исследований требует времени.

Как и жесткая диета, самоистязание карьерой приводит к срывам – в этом отношении примером саморазрушающего потенциала жестокого оптимизма можно считать образ японского офисного работника – сараримана (от английского *salaryman*). Сарариман засыпает в обеденный перерыв на велосипеде, прислонившись к стене круглосуточного магазина, а в конце недели напивается до беспамьятства. Пятничные вечеринки с коллегами заканчиваются сном на газоне, в общественном туалете или на платформе метро. Инстаграм-аккаунт *@shibuyameltdown* публикует фото сарариманов, заснувших пьяными на улицах в районе Сибуя в Токио²². Хронические переработки усугубляет *стресс скученности*, характерный для таких городов. Сложно представить жизнь сараримана с субботы по четверг без удобного кота, который по вечерам успокаивает его тревожные мысли уютными вибрациями своего тела и разминая уставшую спину лапами.

Животные участвуют в лечении людей как минимум тысячу лет – известно, что в IX веке они использовались в процессе реабилитации инвалидов в Бельгии, а в 1790 году в Англии кролики и цыплята помогали пациентам психиатрических клиник развивать самоконтроль²³. Первая научная статья о положительном влиянии животных-компаньонов на людей была опубликована в 1944 году американским социологом Джеймсом Боссадом и называлась «Психическая гигиена жизни с собакой». Детский психолог Борис Левинсон приводил своего пса Джингlsa на сеансы терапии. Изучив реакции пациентов на присутствие животного, он опубликовал статью «Собака как со-терапевт» (1962)²⁴. Приставка «со» в этом случае очень важна – животное не может заменить врача. Точное название комплекса психотерапевтических практик с участием животных включает эпитет *animal-assisted*, а реализация таких методик предполагает обязательный контроль со стороны специалиста. Как правило, терапия с участием животных носит характер вспомогательных интервенций в основной план лечения, то есть сводится к серии непродолжительных контактов.

В 1980 году Эрика Фридман впервые в истории изучения животных-компаньонов измерила их *полезность* для здоровья людей, анализируя статистику восстановления пациентов

²¹ Ehrenberg 2010: 230.

²² Instagram – социальная сеть компании Meta, признанной в России экстремистской. – Прим. ред.

²³ Morrison 2007: 51.

²⁴ Levinson 1962: 59–65.

после инфаркта по критерию наличия у них кошек и собак. Это позволило ей сделать вывод о способности животных обеспечивать необходимый для выздоровления психологический комфорт²⁵. Вслед за Фридман десятки исследователей межвидового взаимодействия пытались вычислить, как животные влияют на переживание стресса. Ученые подсчитывали у испытуемых уровень артериального давления, частоту сердечных сокращений, содержание в крови гормонов и иммуноглобулинов. В результате выяснилось, что тактильный и/или зрительный контакт с харизматичным животным практически мгновенно снижает психологическое возбуждение, а продолжительные отношения с питомцем формируют своего рода буферную зону между человеком и стрессовой средой²⁶. Способность животных успокаивать нервы привела к распространению профессиональных собак-терапевтов в больницах и домах престарелых. Иногда питомцев «выписывали» в дополнение к медикаментам для лечения на дому. Сегодня животные-терапевты работают в школах и университетах, залах суда и тюрьмах – сфера их применения продолжает расти, побуждая задействовать приютских собак. Антистрессовый потенциал животных-компаньонов привлекает не только пожилых людей с предрасположенностью к сердечно-сосудистой недостаточности. Финансовая нестабильность, хронические переработки и эмоциональное истощение вызывают потребность в непрерывной поддержке и заботе почти у каждого. Как следствие, рынок животных-компаньонов устойчиво растет. Между тем жизнь с питомцами не сводится к непродолжительному контакту в присутствии специалиста и, помимо эмоциональных подъемов, включает стрессовые ситуации: это может быть тяжелая болезнь животного, переезд в другую страну, сложности в поиске жилья. Вопрос о роли животных-компаньонов в поддержании здоровья своих опекунов остается открытым, так как ответ на него требует продолжительного исследования многих субъективных факторов.

Спустя два десятилетия после публикации исследования Фридман стало очевидно, что в формуле влияния кошек и собак на физическое и психическое здоровье своих владельцев есть множество неучтенных переменных. Так, исследование, опубликованное в 2010 году, не подтвердило выводы, сделанные Фридман в 1980-е и 1990-е. Ученые получили противоположные результаты: некоторые опекуны собак, а еще чаще кошек после сердечного приступа чувствовали себя хуже, чем пациенты, у которых не было животных²⁷. Это может быть связано с тем, что люди стали больше переживать о благополучии своих питомцев, а значит, последних стоит рассматривать не только как средство снижения стресса, но и как его источник. Также, анализируя методологию изучения эффектов межвидового взаимодействия в ретроспективе, современные ученые находят ошибки и упрощения, которые ставят под сомнение выводы многих исследований. Так, Мишель Моррисон подчеркивает, что такие эксперименты не учитывают необходимость расширенного наблюдения за состоянием пациентов после терапии с участием животных для определения продолжительности эффекта. Оптимистичные результаты клинических исследований, подтверждающих положительное влияние присутствия кошек и собак-терапевтов на самочувствие пациентов, не могут распространяться на питомцев – такие опыты игнорируют фактор *новизны* при взаимодействии с незнакомыми животными, регистрируемый эффект от общения с ними значительно выше²⁸. Исследования, проведенные Николиной Антонакопулос в Канаде и Ясмин Пикок в Австралии в 2010 и 2012 годах, не выявили прямой положительной зависимости между привязанностью к животным-компаньонам и психическим здоровьем их людей, а, напротив, обнаружили негативные корреляции – например, склонность одиноких владельцев кошек и собак к повышенной тревожности²⁹. Это не значит, что живот-

²⁵ Friedmann, Katcher, Lynch, Thomas 1980: 307.

²⁶ Serpell 2000: 108.

²⁷ Sandøe, Corr, Palmer 2015: 52.

²⁸ Morrison 2007: 57.

²⁹ Peacock, Chur-Hansen, Winefield 2012: 292; Antonacopoulos, Pychyl 2010: 37.

ных-компаньонов стоит считать спутниками одиночества и депрессии, но результаты подобных исследований ставят под сомнение распространенные предубеждения – например, что сам факт наличия питомца поможет избежать проблем со здоровьем.

Животные-компаньоны в эпоху дефицита внимания

Как и любая вредная привычка, постоянное продление рабочего времени и истощение ресурсов психики пагубно отражаются на здоровье и приводят к депрессиям, паническим расстройствам, СДВГ и другим ментальным проблемам. Основным вектором распространения и обострения негативных эффектов когнитивного капитализма теоретик медиа Джоди Дин считает интенсивное цифровое общение: «интимная близость» с коммуникационными технологиями меняет то, как современный человек переживает одиночество и социальное взаимодействие, как чувствует себя в приватном и публичном пространствах³⁰. Эти изменения влияют на способность находиться в одном и том же состоянии продолжительное время, в частности концентрироваться на выполнении одной задачи. Постоянный доступ к новому контенту, смена активностей и декораций превращаются в навязчивую потребность. В «Капиталистическом реализме» Фишер рассуждает о привыкании к интенсивной сенсорной стимуляции и приводит в пример студентов-отличников, которые не могут сосредоточиться на чтении текста и после пары предложений начинают скучать. Фишер видит проблему в подключении к «матрице чувственных стимулов», состоящей из чатов, ютуба и фастфуда³¹:

[Я] спросил одного студента, почему он всегда носит наушники в классе. Он ответил, что это не важно, так как в данный момент музыка в них не играет. На другом уроке музыка в наушниках играла на очень низкой громкости, но они не были на нем. Когда я попросил его выключить музыку, он ответил, что даже ему ничего не слышно. Зачем надевать наушники, если не слушаешь музыку, и зачем проигрывать музыку, если не можешь ее услышать? Наушники на голове или знание о том, что музыка играет (даже если он не может ее услышать), создавали уверенность в том, что матрица по-прежнему *здесь*, в пределах досягаемости³².

Динамика эмоций, связанная с потреблением цифрового контента, заменяет дисциплину внимания: одно касание – и доступ к информации восстановлен. При этом отключиться от матрицы удовольствий возможно только при наличии дисциплинирующего фактора: физического присутствия преподавателя или коллег.

Многие из нас ощутили это на себе, работая дистанционно во время карантина. Некоторые заметили, что музыка, сериалы и переписка в соцсетях не помогают расслабиться. Пассивное потребление новой информации и впечатлений кажется отдыхом, но по факту провоцирует перевозбуждение и усталость. Парадоксально, зависимость от визуальной и аудиостимуляции, источником которой служит цифровая среда, придает дополнительное значение знакомому физическому опыту. Привычные маршруты, любимые мелодии на репите, одинаковая одежда, еда с предсказуемым вкусом, не меняющиеся годами кафе и книжные магазины, поглаживание любимого животного и другие *рефрены* приобретают важность как механизмы сохранения энергии и уклонения от стресса новых, неподконтрольных нам переживаний. Постепенно опыт, позволяющий создать иллюзию стабильности, перестает быть ценным сам по себе и воспроизводится лишь для профилактики тревожности, пока не надоест. Как часто мы трогаем животных, чтобы переключить внимание? В среднем за день работы на компьютере я прикасаюсь к коту 10–15 раз, в том числе когда он спит (хотя от этой привычки я пытаюсь избавиться уже несколько лет). Как часто он сам предлагает себя погладить? Дважды в день.

³⁰ Dean 2013: 75.

³¹ Fisher 2009: 23–24.

³² Ibid.: 24.

Расфокусированное сознание цепляется за чувственные стимулы и легко поддается гипнотическому эффекту техносоциальности. В итоге помимо работы, за которую платят, многие из нас заняты дополнительным трудом: просмотром и оценкой контента в соцсетях. Таким образом мы убиваем время, переключая внимание с одного поста на другой каждые несколько секунд. Терранова рассматривает этот механизм как неосознанное сопротивление эксплуатации – необходимости быть на связи и думать о работе больше 8 часов в день, пребывая в состоянии непрерывного стресса. В то же время такой протест против работы представляет собой лишь ее модификацию, так как каждая секунда нашей активности в соцсетях – переходы по ссылкам, лайки, комментарии и публикации – приносит микроренту акционерам Facebook³³, Twitter и других корпораций, а также их рекламодателям³⁴.

Вопрос кризиса внимания стал актуальным уже в конце XIX – начале XX века. В ту эпоху коммерция в городской среде породила негативный эффект: яркие рекламные вывески и развлекательные аттракционы эксплуатировали органы чувств³⁵.

С распространением мобильного интернета визуальная и информационная нагрузка достигла критического уровня. Одним из симптомов развития патологий внимания и памяти стал запрос на эмоционально-насыщенный контент, рассчитанный на предельно быстрое восприятие, – мемы, стикеры, гифки и видео с трогательными животными. Даже обмен таким контентом превратился в форму психологической поддержки.

Развивая концепцию жестокого оптимизма Берлант, антрополог Эллисон Пейдж назвала эффект от просмотра изображений и видео с трогательными животными *жестоким облегчением*. Потребление такого контента в порядке прокрастинации смягчает эмоциональное напряжение, связанное с работой. В то же время полученный во время просмотра окситоцин подавляет импульсы сопротивления эксплуатации и примиряет с режимом сверхурочной работы³⁶. Прикосновения к коту в перерывах между зумами создают похожий эффект. В определенной степени тактильное взаимодействие с животными-компаньонами, как и видео с детенышами панд, тигров и коал, позволяет справляться с неустойчивостью внимания. Исследования психофизиолога Хироси Ниттоно и его коллег из Университета Хиросимы зафиксировали влияние кawaiiных изображений на аккуратность и сосредоточенность людей. Эксперимент продемонстрировал, что фотографии трогательных животных улучшают и настроение, и продуктивность, особенно при выполнении задач, требующих предельной концентрации³⁷. Тем не менее такой контент лишь на короткое время снимает симптомы стресса, но не устраняет его причин, напротив, поощряет дальнейшую самоэксплуатацию. Это превращает животных и их изображения в участников надкорпоративной мотивационной программы, направленной на поддержку режима перманентного труда.

³³ Facebook – социальная сеть компании Meta, признанной в России экстремистской. – *Прим. ред.*

³⁴ Terranova 2013: 59.

³⁵ Ibid.: 57.

³⁶ Page 2017: 77.

³⁷ Nittono, Fukushima, Yano, Moriya 2012.

Искренность животных на фоне притворства людей

Помимо СДВГ, необходимо обратить внимание на распространение симптомов антисоциальных расстройств, прежде всего нарциссизма и пассивно-агрессивного поведения. Эти патологии проявляются в игнорировании социально-этических норм и снижении способности формировать *привязанности*. Так как понятие психической нормы становится крайне подвижным, теоретик современной культуры Тристам Вивиан Адамс рассматривает психопатию не как болезнь, а как естественную реакцию на образ жизни. В его книге «Фабрика психопатов. Как капитализм организует эмпатию» асоциальные расстройства представлены как побочный эффект эмоционально затратного труда, характерного для сферы услуг, а также других специализаций, связанных с интенсивной межличностной коммуникацией³⁸. Сегодня карьерный рост напрямую зависит от способности сотрудника быть очаровательным и дипломатичным, участвовать в командной работе, избегая даже легких конфликтов. Удобный работник свободно поддерживает светский разговор и демонстрирует искреннюю заинтересованность в проблемах клиентов, партнеров и коллег, даже если они ведут себя нетактично и не соблюдают договоренности. Несмотря на отсутствие симпатии к собеседникам, энтузиазм и эмоции должны выглядеть убедительно: для многих позиций постоянное притворство становится одной из важнейших профессиональных компетенций.

При когнитивном капитализме успешный менеджер добивается увеличения продуктивности сотрудников, создавая атмосферу доверия и эмоциональной вовлеченности, это позволяет в течение продолжительного времени откладывать применение финансовых стимулов³⁹. Манипуляция эмоциями сотрудников с помощью нематериальной мотивации открывает новые возможности для эксплуатации. В сфере интеллектуального и творческого труда такая стратегия управления позволяет добиваться максимальной производительности при минимальных затратах. Если для официантов, сотрудников салонов красоты, сиделок, водителей такси и других работников сферы услуг зарплата, чаевые и рейтинги остаются основными причинами для выхода на работу, профессионалы креативных индустрий и других отраслей с перспективами карьерного роста готовы зарабатывать сравнительно мало и трудиться сверхурочно. Их мотивирует возможность получить признание профессионального сообщества и в будущем претендовать на более сложные, а значит, и более трудоемкие проекты. При этом, несмотря на хроническую усталость и постоянный страх провала, они вынуждены казаться жизнерадостными и уверенными в себе.

Во времена моего детства редкие иностранцы, которые с улыбкой встречали взгляды незнакомцев в московском метро, казались подозрительными. Побывав в Европе и США, постсоветские туристы поняли, что за границей многие улыбаются без повода, и интерпретировали это как признак счастливой жизни. Истинная причина открылась позже: с развитием рыночных отношений в постсоциалистических странах ориентация на мягкую коммуникацию стала нормой трудовой дисциплины. На ранних этапах капитализма в России одной из самых читаемых книг была работа Дейла Карнеги «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей» (1936). Книга учила уклоняться от споров и критики и использовать улыбку, чтобы произвести *выгодное* впечатление:

...улыбка «говорит»: «Вы мне нравитесь. Вы делаете меня счастливым. Я рад видеть вас». Вот почему собаки имеют такой успех. Они так рады вас

³⁸ Adams 2016: Ch. 1.

³⁹ Ibid.: Ch. 6.

видеть, что готовы выпрыгнуть из собственной шкуры. И, естественно, мы рады видеть их⁴⁰.

Многие рекомендации Карнеги вызвали внутренние противоречия у постсоветского человека. Тем, кто не привык проявлять дружелюбие к незнакомым людям, было сложно терпеть провокации клиентов с улыбкой. Поэтому в молодой рыночной России ресторанам и клиникам было сложно поддерживать европейские стандарты сервиса. Но ситуация изменилась. И хотя, пользуясь услугами некоторых бюджетных организаций, до сих пор можно столкнуться с хамством, подобный стиль общения проявляется как инерционный эффект, почти исключение. Сегодня обязанность улыбаться и демонстрировать эмоциональную вовлеченность в коммуникацию входит в формальные должностные инструкции: энтузиазм, жизнерадостность и сопереживание задействованы в работе как инструменты повышения лояльности. Удовлетворенный клиент приносит прибыль владельцам бизнеса, приводит инвесторов, помогает сбывать ненужные товары и получать голоса избирателей. В России даже появились курсы актерского мастерства, рассчитанные не на абитуриентов театральных вузов, а на сотрудников офисов, которые хотят научиться имитировать эмоции в деловом общении и публичных выступлениях.

Но у такого навыка есть свои побочные эффекты. Исследование Адамса демонстрирует, что эмоциональные ресурсы не бесконечны – опыт мобилизации эмпатии в качестве средства производства показал, что способность испытывать чувства подвержена истощению. Необходимость демонстрировать расположение в неприятных ситуациях, подавляя истинные эмоции, приводит к тому, что адекватные реакции на внешние стимулы постепенно трансформируются в навык имитации чувств по требованию⁴¹. Интенсивная коммуникация на работе и профессиональная социализация после нее сделали симуляцию эмпатии преобладающей формой выражения эмоций в повседневной жизни. В этом контексте спонтанность эмоциональных реакций уступила место практически полному контролю над собственными чувствами. В популярной культуре последних десятилетий эта тенденция проявилась в образе очаровательного вампира, способного выключать и включать человечность по своему желанию⁴². Оказалось, что формула «Fake it till you make it» («Притворяйся, пока это не станет правдой») в применении к эмоциям работает на понижение: имитируя оптимизм, мы не становимся оптимистами, лишь привыкаем изображать энтузиазм произвольно и верить этим фальшивым чувствам, провоцируя конфликт сознания и подсознания и, как следствие, – психические расстройства.

Животные-компаньоны живут на передовой этого противостояния – дефицит искренности побуждает людей искать ее во взаимоотношениях с питомцами. В этом стремлении реализуется средневековый миф о невинности и наивности зверя⁴³, которому якобы не знакомы притворство и манипуляция. На фоне людей, имитирующих эмоции на работе и дома, животное-компаньон обещает партнерство без обмана и разочарований. Кажется, такое положение дел должно привести к опустошению приютов, но выходит наоборот. Оказавшись в доме человека, неспособного к формированию привязанности, кошки и собаки (как и люди) становятся лишними, если их поведение перестает отвечать ожиданиям опекуна, а содержание и уход начинают доставлять неудобства. В этом отношении стратегически верную позицию занимает редактор медиа о животных-компаньонах tttttt.ru Лариса Молоканова, которая выступает

⁴⁰ Карнеги 1989: Глава 2.

⁴¹ Adams 2016: Ch. 6.

⁴² Серил «Настоящая кровь» (*True Blood*, 2008–2014) на основе романов Шарлин Харрис, сериал «Дневники вампира» (*The Vampire Diaries*, 2009–2017) по мотивам одноименной серии книг Лизы Джейн Смит и другие.

⁴³ Тимофеева 2017: 61.

против спонтанных решений и предупреждает, что формирование отношений с собакой или кошкой из приюта или с улицы требует времени и терпения⁴⁴.

⁴⁴ Выпуск подкаста «Норм» 28 февраля 2020 года: «НОРМ + Rrrrrr. Как взять собаку или кота из приюта (и о чем нужно знать)».

Доверие к животным в контексте обесценивания романтических связей с людьми

Другая группа последствий эмоционально затратного труда связана с личной жизнью. Инвестируя интеллектуальные и психологические ресурсы в профессиональную самоактуализацию, многие люди жертвуют развитием романтических отношений⁴⁵. Некоторые из нас непроизвольно переносят эффективные стратегии имитации собственных эмоций и манипуляции чувствами окружающих в плоскость взаимоотношений с семьей, друзьями и возлюбленными. Со временем становится все сложнее переключаться из режима успешного профессионала, озабоченного индивидуальными достижениями, в режим влюбленного романтика, способного ценить интересы близкого человека выше собственных. В то же время эмоциональные связи вне работы обесцениваются из-за того, что современные романтические отношения не способны обеспечить чувственный подъем, сравнимый с профессиональной и творческой самореализацией. Критический порог романтических разочарований для каждого свой, но время от времени каждый из нас принимает решение расходовать энергию более «эффективно» – на развитие карьеры, самообразование и коммуникацию с коллегами по поводу и под предлогом работы.

Как и подмена сложных внутренних переживаний их внешней имитацией, постоянная сублимация способствует росту продуктивности, а значит, и прибыльности бизнеса. Однако это ограничивает желание людей поддерживать продолжительные привязанности за пределами работы. Вместо романтических отношений когнитивный капитализм предлагает альтернативные формы социально востребованной деятельности, в частности интенсивное нематериальное производство и потребление. В этом контексте романтическое партнерство принимает форму секса без отношений, а люди начинают восприниматься как энергетические снеки, доступные в приложениях знакомств в неограниченном ассортименте. Развивая *hookup*-культуру, Tinder, с одной стороны, предлагает востребованную услугу – экономит время на поиск романтических партнеров, с другой – провоцирует восприятие людей как взаимозаменяемых товаров. В результате за интенсивное использование подобных сервисов мы расплачиваемся способностью к эмпатии.

Редактор платформы *e-flux* Брайан Куан Вуд сравнил современную любовь с трубопроводом, который позволяет людям выкачивать друг из друга энергию для стабильного функционирования в рамках капиталистической системы⁴⁶. В таких отношениях психопатия проявляется в виде феномена профессиональных любовников, которые не испытывают эмоций к партнеру до и после секса⁴⁷. Со временем навык отключения эмоций перестает быть опцией – «включить» чувства обратно оказывается невозможно, но многих это уже не беспокоит, так как именно антисоциальные расстройства (состояния повышенной непроницаемости для внешних раздражителей) позволяют профессиональным любовникам и карьеристам выживать в современном стрессовом контексте. Именно поэтому Адамс рассматривает ослабление эмпатии и как следствие, и как условие профессионального роста – бесчувственность служит своего рода защитным механизмом психики, позволяя людям продуктивно функционировать в *антисоциальной* конкурентной среде⁴⁸. Любовная привязанность не вписывается в этот контекст, так как связана с дестабилизирующими эмоциональными переживаниями. Людям, которым по раз-

⁴⁵ Adams 2016: Ch. 6.

⁴⁶ Kuan Wood 2017: 19.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Adams 2016: Ch. 10.

ным причинам не подходит роль профессионального любовника, остается сублимировать сексуальную энергию и довольствоваться отношениями с животными-компаньонами.

В январе 2020 года в социальных сетях журнала *The New Yorker* появилась карикатура на любовь. Художница Элли Блэк отредактировала архетипическую историю о принцессе, похищенной драконом. На иллюстрации изображена сцена у ворот замка: раздраженная девушка гордо скрестила руки, рядом с ней стоит гигантский ящер. Выпуская легкую струйку дыма, он обращается к рыцарю: «Она не хочет тебя видеть, парень». Принц не спорит, его плечи и меч опущены – битва проиграна, не начавшись. Героиня не нуждается в спасении, ее тюрьма превратилась в убежище от патриархальных традиций, а похититель – в компаньона. Девушка отказывается от традиционного счастья и выбирает жизнь с экзотическим животным.

Вместо приглашения на кофе принц получает буквально от ворот поворот. В свою очередь, он и не думает развязывать конфликт – должно быть, понимает, что у современных принцесс нет времени на романтику: они слишком долго находились в тени отцов, братьев и мужей. Католическая традиция превратила царевну и дракона в безымянных статистов из эпизода про житие святого Георгия (в легендах других патриархальных обществ красавица и чудовище исполняли те же роли, но, по крайней мере, у них были имена: Андромеда и Кет, Куси-нада-химэ и Ямата-но-Орочи, Забава Путятишна и Змей Горыныч). Что сказал бы о таком союзе Фрейд? Дракон в этих историях служит метафорой запретного сексуального опыта – страхов и желаний девственной принцессы-подростка, от которых принц должен ее избавить ради политического мира и социально приемлемых отношений. Сегодня драконов перестали считать похитителями девственниц: принцесса из рекламы конструкторов Lego, не дожидаясь своего спасителя, направляет на дракона меч, но не собирается его убивать – лишь хочет поджарить маршмэллоу.

Драконы и принцессы современной популярной культуры вернули себе имена, а вместе с ними – субъектность. Получив не только замок, но и право на университетское образование, принцесса смогла жить в уединении, обеспечивая и себя, и свое животное. Благодаря открывшимся возможностям она быстро наверстала упущенное и разделила с мужчиной роль протагониста в высокобюджетных фильмах. Дракон же заменил другого не менее яркого персонажа – белого коня, символ подчиненной и облагороженной человеком природы. Жизнь принцессы превратилась в приключенческий роман ее собственного авторства, а потому проблема поиска возлюбленного, готового взять на себя ответственность за судьбу царевны и ее имущество, потеряла остроту. К тому же браки ее подруг все чаще заканчивались разводами и утомительным разделом фамильных земель. Мечта о нуклеарной семье перестала казаться такой уж достойной опцией. «Любовь, секс и отношения в глазах миллениалов все больше связаны именно с рисками, а не с удовольствием», – пишет исследователь эмоций Полина Аронсон⁴⁹. Поэтому многие принцессы принимают решение заморозить яйцеклетки и заняться карьерой. По вечерам они с драконом летают над лесом, чтобы проветрить голову после видеоконференций. Дракон не заглядывается на других девушек, отпугивает коммивояжеров и отапливает замок своим дыханием. В его компании принцесса наслаждается физической и психологической независимостью – ей кажется, что она ничего не упустит и сможет завести роман с красивым рыцарем, как только появится настроение. Но с каждым проектом работа становится все увлекательнее и сложнее, и девушка понимает, что больше не может и не хочет отвлекаться. Вслед за романтическими фантазиями юности исчезает естественное влечение к прекрасным принцам – редкие свидания начинают казаться скучными, щеки не краснеют от случайных соприкосновений рукавами, да и бабочки в животе никак не просыпаются.

Тициана Терранова и Франко Берарди объясняют эту ситуацию распространением *ангедонии* – психической патологии, которая проявляется в снижении способности получать удо-

⁴⁹ Аронсон 2020: 17.

вольствие от жизни, в том числе от социальных взаимодействий и секса. Терранова причислила это расстройство к побочным эффектам когнитивного капитализма и объяснила его распространение тем, что ориентация на вознаграждение и признание профессиональных успехов не имеет очевидных сдерживающих факторов. Перспектива реализации интеллектуального и творческого потенциала представляется бесконечно восходящей кривой роста финансового благополучия и укрепления профессиональной репутации. Но иллюзия неограниченного развития, встроенная в механизм карьерного соревнования, на определенном этапе приводит к саморазрушению⁵⁰.

⁵⁰ Terranova 2013: 66.

Животные в эпоху переориентации желания

Анализируя мотивационные стратегии позднего капитализма, Терранова сравнила поведение людей, одержимых экономическим вознаграждением и самоактуализацией, с действиями крыс в известном психологическом эксперименте. В 1954 году Джеймс Олдс и Питер Милнер имплантировали в мозг подопытных животных электроды, которые стимулировали центры удовольствий⁵¹. Крысы нажимали на рычаг и испытывали наслаждение, превосходящее любой естественный импульс в 7000 раз. В результате они отказывались от еды, воды и сна, даже когда чувствовали сильный голод и усталость. Похожий эффект возникает в экономике знаний и инноваций: мотивационные импульсы, связанные с профессиональной деятельностью и удовлетворением «высших» потребностей, возбуждают людей сильнее, чем предвкушение удовольствия от других занятий.

Еда, спорт, путешествия, романтические связи и другие традиционные формы досуга, которые побуждали сопротивляться эксплуатации и бороться за ограничение продолжительности трудовых смен, постепенно теряют конкурентоспособность.

Феномен снижения активности в отношении романтических связей получил название *либидинального деинвестирования* – частичного или полного отказа тратить энергию на удовлетворение сексуальных желаний. В 2015 году британский статистик Дэвид Шпигельхальтер, глава центра исследования рисков Кембриджского университета, опубликовал аналитический отчет, согласно которому общемировой показатель сексуальной активности падает по наклонной. В девяностые люди занимались сексом в среднем пять раз в месяц, в нулевые – четыре, а в прошлом десятилетии – три. Наиболее остро эта тенденция проявляется в поведении современных подростков. В 2018 году в интервью журналу *The Economist* социолог Сёко Ёнеяма назвала молодежь «скучной», резюмируя выводы исследований поведения людей в возрасте до 25 лет в Великобритании, США, Австралии, Исландии и других развитых странах. В каждой из них зафиксировано снижение интереса молодых людей к сексу, наркотикам и нарушению правил. Самые экстремальные показатели демонстрирует Япония, где процент девственников среди неженатых мужчин в возрасте 20–24 лет к 2015 году вырос до 47% по сравнению с 34% в 2002 году⁵².

Меньше секса, больше питомцев: популяция животных-компаньонов увеличивается на фоне снижения сексуальной активности и рождаемости, отражая кривую роста числа одиночек. С одной стороны, животные помогают переживать отсутствие романтического партнера из-за кризиса доверия и ответственности, с другой – провоцируют снижение сексуальной активности людей в отношениях. Анализируя опыт своих клиентов, секс-терапевт Ванесса Марин составила рейтинг причин такого влияния – его возглавляет способность трогательных животных перетягивать на себя внимание партнера⁵³. В этом плане аффективный потенциал кошек и собак сравним с магнетизмом смартфона: в современной культуре животные-компаньоны стали частью матрицы интенсивных чувственных стимулов, описанной Фишером в конце нулевых.

Философ и антрополог Бернар Стиглер также связывает дестабилизацию либидинальной энергии с кризисом внимания – способности концентрироваться на объекте интереса и *проявлять заботу* о нем. Анализируя деструктивное влияние когнитивного капитализма на наше психическое здоровье, Стиглер ввел понятие глобализированной *психовласти*, контролирующей внимание с помощью *психотехнологий*: радио (с 1920-х годов), телевидения (с 1950-х) и

⁵¹ Ibid.: 62.

⁵² Economist 2018.

⁵³ Marin 2015.

цифровых медиа (с 1990-х)⁵⁴. По Стийлеру, дефицит внимания как результат его эксплуатации психотехнологиями привел к деградации форм социального взаимодействия, обеспечивающих репродуктивность. Итогом этого процесса стал кризис экономики, построенной на удовлетворении сексуального влечения⁵⁵. Берарди предложил похожее объяснение: ослабление стремления к удовольствиям связано с психическими и когнитивными мутациями, характерными для первого «видеоэлектронного поколения». Речь идет о людях, сознание которых в детстве и юношестве было подвержено интенсивной информационной и эстетической стимуляции⁵⁶. Это отчасти объясняет, почему тенденция к отказу от удовольствий за пределами цифрового пространства так резко проявляется в поведении тех, кто вырос в период массового распространения интернета.

Если радио и телевидение контролировали внимание, открывая доступ к новой информации, то с появлением безлимитного интернета к числу мотивационных импульсов добавилась опция самовыражения. Помимо неограниченного потребления контента, открылась возможность непрерывно его производить. Социальные сети предложили эффективные инструменты для создания и редактирования цифровой версии себя, как правило, улучшенной. Приложения-фоторедакторы, выверенные статусы и чаты, в которых можно избежать оговорок спонтанной беседы, позволяют нам конструировать альтернативную виртуальную идентичность.

Цифровые бьюти-маски для селфи помогают приблизить внешность к глянцевым стандартам: выровнять тон лица и исправить его форму, сделать цифровой макияж, увеличить объем волос, добавить эффект блеска в глазах и даже убрать лишний вес. Чтобы выбрать степень обмана, достаточно передвинуть ползунок по шкале насыщенности фильтра от 0 до 100%. Как и обычный макияж, подобные манипуляции с внешностью воспринимаются не как подлог, а как придание телу «товарного вида». В цифровом пространстве это тело противостоит растущему потоку зрительных стимулов, представленным такой же гладкой, спортивной, безволосой, эротизированной плотью⁵⁷. Так как процесс ее редактирования скрыт, мы привыкаем считать ее естественной. На этом фоне публикации в поддержку неглянцевого женского тела с волосатыми подмышками воспринимаются как травмирующий контент и продолжают вызывать всплески агрессии.

Повседневное публичное представление не совсем реального «я», которое сопровождается анонимным потреблением столь же ненастоящих других, может привести к неврозу. По мнению Берарди, интенсивное наслаждение, оторванное от телесного взаимодействия в пользу зрительных стимулов, делает человека нетерпимым по отношению к реальному другому, когда он или она появляются перед ним во плоти⁵⁸. Израильский социолог, исследователь романтических отношений Ева Иллоуз определила эту проблему как психологический дискомфорт при переводе образа, созданного для публичной самопрезентации, обратно в плоскость личных эмоциональных отношений⁵⁹. Так же сложно переводится в физическую реальность опыт анонимного, порой неосознанного потребления цифрового интима. Такое противоречие между публичным и личным «я» формирует новый сегмент людей, готовых лечиться у психотерапевтов. Одним из симптомов этого явления может быть *дисморфофобия* – психическое расстройство, которое характеризуется навязчивой идеей о том, что какой-то аспект внешности является серьезным недостатком и потому требует исправления любыми средствами. Стремление скрыть свое лицо за трогательным аватаром обыграно в антиутопии «Годы» (2019). В одном из

⁵⁴ Stiegler 2013: 6.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Berardi 2009: 96.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Berardi 2009: 85.

⁵⁹ Illouz 2007: 108.

эпизодов сериала девочка-подросток во время завтрака с родителями активирует голографическую маску с эмодзи оленя, а после сообщает им о своем желании отказаться от физического тела и загрузить себя в сеть (ил. 2)⁶⁰.

Ил. 2. Кадр из сериала «Годы» (*Years and Years*), эпизод 1. Совместное производство BBC One и HBO

В перспективе утрата влечения к людям может способствовать росту спроса на животных-компаньонов. Как заметил Берарди, для некоторых людей физическая близость к телу человека без цифровых масок и фильтров становится неприятной. К такому телу «трудно прикасаться... трудно наслаждаться им»⁶¹. В отличие от людей, физические тела трогательных животных и их цифровые изображения идентичны и правдивы, а потому в равной степени привлекательны для созерцания и прикосновений – для потребления, опосредованного экраном, и в режиме IRL (in real life, «в реальной жизни»). Стремление спрятать свое тело под маской животного и одновременно избежать реального другого проявилось в субкультуре фурри (от английского *furry* – «меховой»). Представители этого движения социализируются, переодевшись в ростовые костюмы животных. Возникнув в 1980-е годы как невинный фандом мультяшных антропоморфных зверей, к середине 2010-х сообщество фурри эволюционировало в сторону сексуальной фетишизации. Опрос группы ученых, изучающих фандом фурри⁶², показал, что 96% мужчин и 78% женщин, которые причисляют себя к этой субкультуре, используют эротический и порнографический контент с зооморфными персонажами⁶³. В 2017 году только в США насчитывалось 250 тысяч фурри, из них две трети – мужчины, многие – представители профессий, связанных с информационными технологиями⁶⁴. И хотя для некоторых фурри, переживших опыт дискриминации или насилия, идентификация с животными персонажами остается лишь формой эмоционального эскапизма, многие представители движения занимаются как киберсексом, так и очным сексом друг с другом, не снимая костюмов животных. Подобно маскам, такие костюмы раскрепощают, позволяя полностью скрыть неглянцево тело и все его несовершенства. Неудивительно, что фандом фурри стал пространством для

⁶⁰ Сериал «Годы» (*Years and Years*), режиссер Саймон Селлан Джонс, *BBC One*, *HBO* и *Canal+*, эпизод 1, 2019.

⁶¹ Berardi 2009: 102.

⁶² International Anthropomorphic Research Project (IARP), Kathy Gerbasi, Courtney Plante, Stephen Reysen, Sharon Roberts, Karlin Bruegel.

⁶³ Fumiko Cahill 2015.

⁶⁴ Kaplan 2017.

экспериментов с сексуальностью и гендерными ролями. В Японии утрата способности формировать привязанность по отношению к реальным людям проявилась в увлечении идолами – молодыми моделями, певицами и актрисами с кукольными лицами, а также аниме-персонажами и голографическими женами-дюймовочками с абонентской платой. В 2018 году компания Vinclu запустила в массовое производство капсулу Gatebox с виртуальной компаньонкой по имени Ацума Хикари (от японского ##, *аи цума* – «любимая жена»). 20-сантиметровая девушка в стиле аниме носит короткий кухонный фартук и гетры, а ночью – облегающую полосатую пижаму. Ацума использует технологии искусственного интеллекта для самообучения. Чтобы превратиться в идеальную жену, она подключается ко всем коммуникационным устройствам своего человека, читает его соцсети и анализирует речь, что позволяет ей общаться в похожем стиле дома и через SMS, подбирать правильные слова для утешения, вдохновения и легкого флирта.

Компаньоны продуктивного одиночества

С потерей способности испытывать удовольствие от близкого контакта совместный быт превращается в обузу. Одиночки становятся новым большинством. В книге «Жизнь соло» социолог Эрик Кляйненберг подчеркивает, что возможность жить без романтического партнера, детей или соседей по квартире сегодня привлекает представителей всех возрастов (после совершеннолетия) в самых разных странах⁶⁵, в том числе в России, Китае и Индии. С 2010 года сегмент *sinks* (single income, no kids) – экономически независимых людей без партнера и детей – растет по всему миру, опережая прирост в других категориях. Например, в Великобритании, несмотря на высокие цены на недвижимость, «число одиноких увеличивается в десять раз быстрее, чем население»⁶⁶. Даже пожилые люди предпочитают жить одни, если хватает денег. В 2012 году *The Economist* опубликовал «тревожную» статистику, согласно которой в Объединенных Арабских Эмиратах около 60% женщин старше 30 лет не состояли в браке по сравнению с 20% в 1995 году. Этот показатель продолжает расти, так как мужчины не могут позволить себе жениться повторно из-за финансовой ситуации⁶⁷. Число одиночек растет в Мексике, Бразилии и других развивающихся странах. Причины этого тренда варьируются: в то время как в Иране или России больше женщин выбирают образование и карьеру вместо замужества, в Индии и Китае подросло новое поколение одиноких юношей, для которых не хватает девушек. Это обусловлено тем, что в азиатских странах долгое время считалось, что родить мальчика, будущего наследника, намного выгоднее, чем девочку, для которой придется накапливать приданое⁶⁸. По прогнозам экспертов, к 2030 году одиноких людей станет больше минимум на 20%⁶⁹.

Междисциплинарное исследование Кляйненберга объясняет, почему попытки сбить эту динамику неэффективны – невозможно повернуть вспять урбанизацию, остановить образовательные проекты, развитие культа творческой индивидуальности и прочие глобальные явления, которые побуждают людей выбирать уединенный быт, чтобы сделать свою жизнь терпимее. В последние два десятилетия одиночки заметно меняют социальную ткань городов: в районах для молодых профессионалов открываются бары и галереи, старые гостиницы трансформируются в дома-коммуны, строятся капсульные отели, а в ресторанах становятся все популярнее столики для одного гостя. И хотя в допандемические времена такая бизнес-модель казалась слегка эксцентричной, сегодня она стала прибыльной. Как и в других мегаполисах мира, до 2022 года в Москве и Санкт-Петербурге рос спрос на «однушки», девелоперы повышали процент квартир-студий, планируя новостройки, и сокращали их метраж, чтобы сделать жилье доступным. В европейских столицах появляются кварталы компактных таунхаусов, рассчитанных на одного жильца и собаку. В Токио открылись молодежные резиденции с апартаментами площадью 4,64 кв. м – в такой квартире сложно представить питомца, который превосходит по размеру галаго⁷⁰. Интеллектуально емкие образовательные программы и профессии с каждым годом требуют все больше часов продуктивного одиночества, уже поэтому

⁶⁵ Кляйненберг 2014: 9–10. Оригинальное название книги – «Going Solo: The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone». В России книга вышла под названием «Жизнь соло. Новая социальная реальность», что делает сообщение менее провокационным.

⁶⁶ Bingham 2014.

⁶⁷ Dajani 2014.

⁶⁸ Economist 2012.

⁶⁹ Hodgson 2019.

⁷⁰ Распространенная в Африке обезьянка с густым мехом, огромными глазами и трогательными пальчиками. Помещается в кармане худи. Для многих галаго стали питомцами мечты после того, как набрали популярность видео с Пиццатору – популярным в Instagram галаго, который живет в квартире своей хозяйки в Японии.

сегмент одиноких людей в возрасте до 35–40 лет будет расти, меняя инфраструктуру городов, корректируя модели потребления, интенсивно развивая такие сегменты экономики, как рынок домашних животных, и попутно реформируя другие – рекламу, развлечения, туризм, бытовые услуги.

Если рассматривать потребность в продуктивном одиночестве как фактор роста популяции *удобных* животных, мы можем прогнозировать увеличение их численности минимум на 15–20%. Это, несомненно, обрадует тех, кто в кризисные времена решил заняться разведением корги для продажи на «Авито». Жизнь в отдельной квартире позволяет исключить из списка стрессовых взаимодействий вынужденную социализацию с другим человеком. Приятную компанию может составить животное. Жилье без людей дает возможность сосредоточиться на работе, саморазвитии и отдыхе в любое время дня (хотя очень часто, по причине расстроенной дисциплины внимания, эта возможность остается нереализованной). Антрополог Доминик Гийо прав, подчеркивая, что «во взаимоотношениях с животным человек чувствует себя гораздо свободнее»⁷¹. Наедине с питомцем мы можем полностью расслабиться, что невозможно в присутствии других людей, в том числе близких. Между тем иллюзия полной принадлежности самим себе помогает нам забыть о том, что взаимоотношения с животными-компаньонами предполагают эмоциональную вовлеченность и работу по воспитанию, социализации, поддержке их физического и психического здоровья. Микрособакам тоже нужны прогулки, а кошкам – игры. Многие из нас привыкли думать, что «самодостаточный» кот может развлечь себя самостоятельно, но жизнь в небольшой квартире вынуждает его адаптироваться к состоянию «овоща», чуждому природе хищника. В тесной квартире, как правило, мало возможностей для имитации охоты и стимулов для интеллектуальной активности. Кошки любят наблюдать за движением (поэтому они так часто смотрят в окно на прохожих и птиц). Им нравится изучать новые запахи, поэтому они возбужденно реагируют на природные предметы – листья, камни, ветки – и любую доставку. «Кошки до сих пор имеют репутацию тюфячков, – пишет Настя Крамаренко, зоопсихолог и ветеринар, автор телеграм-канала «Границы эмпатии», о недостатке физической и интеллектуальной активности. – Одни, испытывая скуку, становятся апатичными, переедают, толстеют, теряют интерес к жизни... Другие, наоборот, начинают сходить с ума, демонстрировать проблемное поведение. Третьи впадают в стереотипию⁷², неврозы, вылизывая себя до крови и незаживающих ран»⁷³.

⁷¹ Гийо 2019: 273.

⁷² Норберт Заксер описывает явление стереотипии в книге «Человек в животном». Стереотипия представляет собой постоянное повторение животным однотипного действия. Согласно Заксеру, в этом проявляется поисковое поведение, «которое изначально служит поиску пригодной среды, где могут быть удовлетворены срочные потребности». Доступ животных из зоопарка, лабораторий и квартир к такой среде ограничен условиями содержания, поэтому «поисковое поведение закрепляется в застывших формах». См.: Заксер 2018: 41.

⁷³ https://t.me/our_soulmates.

Аффективная работа трогательных животных как суррогат психотерапии

Как правило, все перечисленные эффекты когнитивного капитализма воспринимаются как исключительно негативные явления, которые необходимо исправить. Мы не привыкли рассматривать их как симптомы перехода к новой социальной реальности, которые невозможно вылечить, не затрагивая источник их появления. Оценивая стремление к одиночеству и снижение сексуальной активности как индивидуальные психопатологии, система начинает их лечить, корректируя поведение каждого из пациентов, но забывает смягчить антисоциальный контекст, стимулирующий их развитие. Лечение психических расстройств бывает быстрым или продолжительным, а эффект – кратковременным или накопительным. Так, дефицит внимания, памяти и мотивации можно компенсировать ноотропами быстрого действия, а можно, закрыв ноутбук, по два часа в день писать на бумаге китайские иероглифы, проговаривая их вслух и заучивая значения. Для профилактики одиночества тоже есть широкий спектр быстрых средств: например Tinder, где можно найти секс на одну ночь. Альтернативой могут стать прогулки в компании самого себя – считается, что такой досуг развивает «самодостаточность», помогает восстановить энергию и «нагулять аппетит» для общения.

Животные-компаньоны часто используются как одушевленные инструменты для быстрого и доступного снятия стресса, но с ними можно установить и более тесный контакт. Когда я глажу спящего кота в течение нескольких секунд в перерывах между имейлами, я получаю необходимую порцию окситоцина и испытываю мимолетное облегчение. Если я буду сосредоточенно наблюдать за его поведением полчаса в день (как советовал Джон Бёрджер, автор книги «Зачем смотреть на животных»), то начну тренировать собственную дисциплину внимания.

Легкие решения экономят время и энергию. Альтернативные стратегии, представляющие собой нетиражируемый опыт, требуют места в графике и регулярных усилий воли. И хотя в эпоху быстрого потребления мотивация к формированию полезных привычек развивается медленно, со временем рынок найдет способы сделать процессы осознанного сопротивления психопатологиям и стрессу такими же прибыльными и востребованными, как фармакологические препараты направленного действия (хотя до этого побочные эффекты психотерапевтического фастфуда успеют проявиться еще острее).

Пока жестокий оптимизм в отношении устаревших жизненных моделей еще преобладает над пессимизмом критиков самозамкнутого индивидуализма, спрос на легкие в применении, взаимозаменяемые средства поддержки личной продуктивности продолжит расти. В ход идет все, что может поднять настроение и вернуть вкус к работе так же эффективно, как антидепрессанты, любимая еда или трогательные видео с детенышами панды. Рост экономики знаний и инноваций зависит прежде всего от мобилизации психических ресурсов людей, поэтому средствами для подъема работоспособности и мотивации становятся фармакологические препараты, способные управлять уровнем нейромедиаторов – серотонина, дофамина и других гормонов хорошего настроения. И хотя эффект от применения таких средств длится недолго, они относительно доступны и действуют своевременно, направленно, с предсказуемым результатом.

Такие же качества стремятся вложить в свои продукты *инженеры трогательности* – создатели предметов и впечатлений, которые вызывают умиление и снижают тревогу, стимулируя выработку окситоцина. Проектируя самые разные продукты – от канцелярских товаров до программных интерфейсов, – дизайнеры, работающие в стиле каваяи, наделяют их качествами, способными смягчить психическую нагрузку, создать атмосферу комфорта и безопасности. Для воспроизводства положительного эмоционального опыта и повышения его насыщенности они изучают весь спектр психологических эффектов, которые испытывают

представители целевой аудитории в процессе и после потребления контента, взаимодействия с предметом или поставщиком услуги. Анализируя этот тренд, Аарон Маркус, Масааки Куросу, Сяюань Ма и Аяко Хасидзумэ, исследователи продуктового дизайна как средства управления эмоциями, выделили *реакцию умиления* как ключевой ориентир в создании современных товаров и сервисов⁷⁴. Рынок домашних животных ставит в один ряд с кawaiiными продуктами трогательных кошек и собак, самой востребованной функцией которых становится терапия эмоциональной усталости. Способность корректировать гормональный фон людей естественным образом – присутствуя в поле их зрения и позволяя прикоснуться к себе – делает животных-компаньонов уязвимыми для эксплуатации в качестве антистрессовых игрушек.

Этнограф Лоррейн Плурд связывает расцвет котокафе в Токио с волной развития практик *ияси* (##), ориентированных на расслабление через воздействие на органы чувств⁷⁵. В середине 1990-х на фоне экономической рецессии и эволюции семейных ценностей приятные запахи, звуки, свет, природные объекты и животные стали позиционироваться как лекарство для восстановления психологического равновесия после рабочих и бытовых стрессов.

В 2000-е годы в Японии одним из факторов напряжения стало *социальное сиротство*. В то время многие молодые люди из провинции переезжали в Токио, Осаку и другие мегаполисы в поисках перспективной работы. Побочным эффектом переездов был разрыв старых связей. Оставшись без близких, новоиспеченные жители крупных городов лишились не только знакомого окружения, но и привычных ритуалов, в том числе долгих обедов в кругу семьи и друзей. Ежедневная трапеза из практики общения, обмена новостями и эмоциями превратилась для них в опыт постыдного одиночества. Напряженная атмосфера в офисах осложняла социальное взаимодействие между коллегами, поэтому из-за отсутствия компании многие люди стали обедать в кабинках общественных туалетов. В 2010-е этот механизм психологической защиты стал распространенным феноменом и получил название *benjo meshi* (### – «обед в туалете»)⁷⁶.

Терапевтический контакт с животным как повод для публичного досуга избавил многих одиноких японцев от чувства неловкости по поводу своей социальной неприкаянности. Антикафе с кошками стали пространством общественно приемлемого одиночества и противовесом самоизоляции. Подобные заведения сформировали комфортный, *холодный* тип социальности⁷⁷. При этом опыт публичного уединения, не ориентированного на знакомство и общение с другими посетителями, не исключал возможности диалога и развития приятельских отношений. В 2010-х годах интерьеры таких кафе напоминали уютные квартиры, в которых можно находиться, не думая об уборке за собой и кошкой. Пастельные цвета, комфортная фактура мебели, мягкий свет, возможность прикоснуться к приятным на ощупь телам животных и наблюдать за ними позволяли клиентам восстановить энергию после работы или перед поездкой в офис – для этого многие заходили в кафе по утрам.

Анализируя опыт постоянных посетителей, Плурд сравнила взаимодействие людей и кошек в кафе с новыми формами *непродуктивных* интимных отношений, основанных на почасовой оплате и воспроизводстве элементов *невинной* стадии флирта, например комплиментов и легких прикосновений⁷⁹. Как юношей в хост-клубах и девушек в кябакура (кабаре-клубах), кошек в кафе можно выбирать по каталогу. Среди них тоже есть «идолы», новички и время от времени именинники – их дни рождения принято отмечать вместе с посетителями. Такой

⁷⁴ Marcus, Kurosu, Ma, Hashizume 2017: v–vi, 9.

⁷⁵ Plourde 2014: 117, 118.

⁷⁶ Lufkin 2020.

⁷⁷ Plourde 2014: 125; Roquet 2013: 237.

⁷⁸ Плурд использует понятие холодной социальности, чтобы описать характер взаимодействия постоянных клиентов котокафе с животными, опираясь на идеи Поля Роке. Роке подчеркивает, что кошачья социальность основана на поддержании дистанции и тишины.

⁷⁹ Plourde 2014: 128.

формат взаимодействия позволяет клиентам почувствовать себя частью семьи. При этом гости могут вести себя пассивно, не прилагая никаких усилий к развитию отношений с хостом (человеческим и нечеловеческим). Такая форма общения дает клиенту возможность не соприкасаться с неприятной стороной заботы о партнере или питомце. Котокафе и хост-клубы позволяют избежать глубоких эмоциональных переживаний, в том числе дестабилизирующего опыта расставания с возлюбленным или смерти животного-компаньона. Подобные услуги во многом отражают структуру *стерильного* социального взаимодействия в соцсетях. Как и переписка с выбранным собеседником или потребление эротического контента, общение с хостами и кошками происходит порциями и может быть приостановлено в любой момент по желанию пользователя без каких-либо последствий. Терранова рассматривает эту особенность сетевой коммуникации как фактор дробления либидинальной энергии – процесса, который приводит к замене полноценного цикла удовлетворения полового влечения и потребности в близком общении «крошечными наггетсами удовольствия»⁸⁰. Рассуждая о таких кратких позитивных переживаниях, теоретик медиа Джоди Дин ссылается на эмоциональные всплески от прочтения твита или комментария, пересылки изображения или подписания петиции⁸¹. «Кусочки» наслаждения призваны поддерживать нас в состоянии постоянного возбуждения и неудовлетворенности, стимулируя участие в конкуренции по поводу социального и профессионального признания⁸².

Сфера гостинично-ресторанного бизнеса и развлечений в Японии быстро отреагировала на «обед в туалете» появлением разных типов заведений для одиноких посетителей. Постепенно отсутствие компании перестало быть поводом для стеснения. С 2005 по 2009 год тайваньская бизнес-модель котокафе распространилась в Токио настолько широко, что стала восприниматься как специфически японский феномен. Из лекарства от одиночества кошки превратились в универсальное средство от стресса. Как следствие, к 2012 году число котокафе в Японии приблизилось к 150⁸³. Среди них появились заведения, в которых живут только котят⁸⁴, – на первый план вышла способность животных вызывать умиление. К 2020 году в Токио открылись кафе с трогательными ежами, совами, кроликами, попугаями, минипигами и даже капибарой⁸⁵. Некоторым животным из этого списка такой образ жизни строго противопоказан. Но даже кафе с ежами – не самое серьезное последствие мобилизации аффективного потенциала животных в неолиберальной экономике. Став источником прибыли, природная трогательность кошек и собак дала рынку повод довести ее до предела посредством миниатюризации. В одном из заведений на модной улице Такэсита в Токио живут мамэсиба – компактные версии собак породы сиба-ину. Приставка «мамэ» в переводе с японского означает «фасолинка»: собаки в Mameshiba Café весят как котикки, от 4 до 6 килограммов, а их рост не превышает 30 см в холке.

Джен Бойл и Вань Чуань Као, используя термин Жоржа Батая, называют трогательность *точкой экстаза*, то есть сравнивают воздействие милых предметов и персонажей на психику с моментом «потери себя» в опыте оргазма⁸⁶. После встречи с мамэсиба это определение не кажется преувеличением: «фасолинка концентрированной трогательности» превращают контактные кафе в пространство переживания коллективного экстаза. Концепция *каваши*, вопло-

⁸⁰ Terranova 2013: 65.

⁸¹ Dean 2010: 95.

⁸² Berardi 2018: 98.

⁸³ Galloway 2012.

⁸⁴ Newman 2017.

⁸⁵ Капибара по имени Таваси живет с десятком кошек в Сапу Нeko Cafe в Мусасино, префектура Токио, <https://сарупеко.safe/>. Возможность погладить капибару сделала это кафе одним из самых популярных и дорогих – час здесь стоит от 2200 иен (около 1600 рублей).

⁸⁶ Boyle, Kao 2017: 17.

щенная в образе предельно трогательного животного, позволила вывести экстаз за рамки половых отношений, делая его публичным, обыденным, тиражируемым. Как объекты дизайна, ориентированного на стерильный оргазм, современные животные-компаньоны проходят ускоренный искусственный отбор и переживают радикальные анатомические трансформации не ради улучшения качеств породы, а чтобы усилить реакцию умиления⁸⁷.

Исследуя понятие трогательности, Бойл и Као связывают его с такими характеристиками, как мягкость, округлость, инфантильность, женственность, беспомощность, уязвимость, безвредность, игра, удовольствие, неловкость, потребность в заботе и внимании, интимность, домашний уют и простота, а также с качествами, которые могут оцениваться как негативные; незрелостью, легкомыслием, зависимостью, потенциалом для манипуляции и ориентацией на иерархические отношения⁸⁸. Некоторые из этих характеристик поощряют интенсивный тактильный контакт, другие – сравнение животных с маленькими детьми. Несколько респондентов Плурд признались, что им нравится позиционировать себя в качестве покровителей своих фаворитов – чувствовать зависимость кошек от знаков внимания. Эстетика каваяи побуждает нас строить с животными-компаньонами отношения, основанные на антропоморфных проекциях, вместо того чтобы изучать особенности вида и наблюдать за повадками конкретных особей. Для понимания истоков этой тенденции нам стоит познакомиться с Сырком.

Ил. 3. Сырок (Cheese), пудель стандарта teacup. В 2018 году был выставлен на продажу на сайте одного из южнокорейских зоомагазинов

⁸⁷ Из-за дополнительных рисков серьезных заболеваний вследствие миниатюризации порода мамэсиба не признана клубами заводчиков сиба-ину.

⁸⁸ Ibid.

Животные как портативные трансфертные объекты

Сырок – дизайнерский микропудель, которого можно заказать онлайн из Южной Кореи (ил. 3). Доставка придет на дом в любую точку мира. К щенку прилагается годовая гарантия: если Сырок погибнет от вируса, с которыми не в состоянии справиться его иммунитет (например, собачьей версии коронавируса), генетических проблем или врожденной дисфункции органов, покупателю пришлют нового щенка той же масти и пола. Но грустные подробности, провоцирующие критический взгляд на этот «товар», открываются не сразу. Многочисленные инстаграм-аккаунты с милительными собаками делают все возможное, чтобы инициировать спонтанные покупки. Предлагая животных размером чуть больше ладони, рекламные профили настаивают, что такие питомцы подходят всем – и детям, и пожилым людям. В одном из таких аккаунтов я увидела фотографию Сырка. Он смотрел в камеру глазами-бусинками плюшевой игрушки, а его короткие светло-коричневые кудряшки напоминали синтетический ворс мягкого медведя, который в 1980-е был моим неизменным компаньоном, пациентом моей воображаемой поликлиники. Рекламу с портретом Сырка и других щенков – Печеньки, Маршмэллоу и Арахиса – сопровождал соответствующий слоган «Самая маленькая версия мишки Тедди»⁸⁹. Чтобы сделать акцент на размере, животных фотографировали в круглых чашках для чая или рядом с 15–17-сантиметровыми предметами – смартфоном, банкой колы, фотоаппаратом мгновенной печати или тамблером для кофе. В выборе этих средств проявилась *ретрофутуристичность*, характерная для постмодернистской версии трогательности⁹⁰: с одной стороны, текст, продвигающий Сырка, ориентировался на культурно-символические коды, способные вызвать чувство ностальгии по детству, с другой – его фотографии подчеркивали миниатюрность и мобильность, свойственные современным многофункциональным устройствам и предметам подвижного быта.

Сравнение собак с игрушками и едой может многое рассказать о целевой аудитории интернет-магазинов удобных животных и механизмах их сбыта. Овеществление щенков и выбор для них «съедобных» имен побуждают потенциальных покупателей воспринимать их как средства для снятия стресса. В детстве с тревогой помогали справиться мягкие игрушки, а позже – «запретные» удовольствия, например пирожные. В альянсе приятных вкусовых и тактильных ассоциаций из рекламы Сырка плюшевый мишка представляет собой *переходный (трансфертный) объект*, описанный детским психоаналитиком Дональдом Винникоттом в 1950-х годах. Под такими объектами Винникотт понимал предметы или явления, которые можно отнести одновременно к внутренней и внешней реальности. Ребенок осознает, что его любимый плюшевый медведь не является частью его тела, но относится к игрушке как к живой и даже испытывает неприятные эмоции, если с ней что-то произойдет⁹¹. Согласно Винникотту, такой объект ассоциируется у ребенка с материнской грудью и поэтому метонимически заменяет мать. «Не-я»-предмет призван ослабить беспокойство в стрессовых ситуациях, вызванных временным отсутствием матери, например во время сна. Стабильное ощущение комфорта от контакта с мягкой фактурой ткани и наполнителя создает иллюзию безопасности, укрепляет уверенность и поощряет младенца исследовать мир вокруг себя, даже сталкиваясь с умеренным стрессом. Похожий механизм лежит в основе акции «Обними друга перед полетом». В феврале 2019 года в аэропорту Домодедово пассажиров провожали в полет подопечные фонда

⁸⁹ В Западной Европе и Америке имя Тедди стало нарицательным для одной из самых популярных мягких игрушек XX века – плюшевого мишки. Южнокорейский онлайн-магазин использует исходный текст «A smallest version of Teddy Bear» для продвижения животных стандарта teacup в Instagram.

⁹⁰ Boyle, Kao 2017: 14.

⁹¹ Винникотт 2000а: 187; Winnicott D. Transitional Objects and Transitional Phenomena // Through Paediatrics to Psychoanalysis. N. Y., N. Y.: Basic Books, 1975. P. 229–242.

«Вторая жизнь»: бигль Физзи, хаски Нами и дворняги Клепа и Луша. Каждый мог пообщаться и пообниматься с собаками, сняв стресс перед перелетом⁹².

Другой промоинструмент, призванный ускорить продажу Сырка, – временные «съедобные» имена. Называя щенков в честь антистрессовых продуктов – сыра, шоколада, круассанов и маршмэллоу, – продавцы микрособак обращаются к нашей вкусовой памяти, напоминая о чувстве эйфории от прилива эндорфинов (реакции организма на простые углеводы). Выбирая в качестве точки входа ассоциацию с исключительно приятными вкусовыми ощущениями, текстово-визуальный профиль Сырка подчеркивает, что удовольствие от общения с ним имеет важное преимущество перед стрессовым перееданием: отсутствие побочных эффектов, вызванных избытком калорий. На фоне сладких десертов и антидепрессантов Сырко-собака позиционируется как наслаждение без последствий. Купив чипированного микропуделя с необходимыми прививками и документами, подтверждающими факт ветеринарного контроля, и оплатив услуги сертифицированной компании по перевозке животных, мы приобретаем ласкового и лояльного персонального терапевта по цене 67 рублей в день⁹³. Дешево, удобно и эффективно: можно сказать, что в списке развлечений, характерных для экономики внимания, Сырок – идеальный товар, который встает в ряд с другими терапевтическими удовольствиями современности – видеоиграми и сериалами.

Ассоциация с вкусной едой и плюшевым мишкой позволяет предположить, что сообщение о продаже микропуделя намеренно обращается к дологическому восприятию в обход критического суждения. Желаемый результат такой рекламы – импульсивное потребление, которое не предполагает оценки *реальной* стоимости покупки. Образ трогательного животного всегда вызывает доверие и в определенной степени действует даже на тех, кто смог сформировать иммунитет к рекламе. Обещая расслабляющий эффект сыра и сахара без увеличения веса, опция приобретения удобного животного становится актуальной для любого интернет-серфера в поисках относительно доступного и *невинного* средства от стресса. В свою очередь, акцент на размере питомца предупреждает потребности тех, кто ведет мобильный образ жизни и хочет всегда иметь под рукой источник психологического комфорта. Рост взрослого микропуделя совпадает с высотой iPad mini, а вес соответствует минимальной массе здорового новорожденного ребенка. Это делает Сырка портативным резервуаром умиления для всех, кому важна автономность и мобильность современных технологий.

В годы моего детства (в конце 1980-х и 1990-е) по телевизору часто показывали мультфильм «Дудочка и кувшинчик», снятый на «Союзмультфильме» в голодном 1950 году. Сказка о девочке Жене учила, что легких удовольствий не бывает и, чтобы насладиться земляничным вареньем с розовой пенкой, нужно несколько часов провести в лесу на корточках. Старик-боровик, начальник всех грибов и ягод, был готов обменять волшебную дудочку, звуки которой заставляли землянику показаться из-под листьев, на Женин кувшинчик. Выбрав музыку, девочка поняла, что унести ягоды из леса не получится. Начальник намекнул, что дудочка и кувшинчик в одни руки не выдаются, а лесные птицы, продолжая его мысль, подпевали, что без труда и заботы варенья не видать. Реклама Сырка заставляет поверить, что дудочка и кувшинчик наконец выдаются в комплекте с основным приобретением. Триада «труд, забота, удовольствие», традиционные составляющие совместной жизни с животным-компаньоном, таким как немецкая овчарка, для многих людей сегодня теряет привлекательность, как и институт семьи. Взяв курс на производство предельно легких в уходе питомцев, казалось бы не требующих тренировок и регулярных прогулок, рынок удобных зве-

⁹² Первый сеанс канистерапии прошел в аэропорту Домодедово 26 февраля 2019 года.

⁹³ Если учитывать расценки, актуальные летом 2022 года, стоимость покупки и доставки микропуделя в Россию составит около 295 000 рублей. Если собака доживет до минимальной границы ожидаемой продолжительности жизни и проведет с нами 4380 дней (12 лет), ее стоимость составит около 67 рублей в день. С развитием рынка миниатюрных животных мы можем ожидать значительного снижения этой цифры.

рей постепенно стирает труд и заботу из формулы компаньонства, вернее, его восприятия. К тому же в игру включаются технологические инновации, предлагая упростить каждый аспект жизни с животными до автоматизма. Когда усилия заводчиков и зоостартапов объединяются, аргументы против покупки Сырка стремятся к нулю, хотя в реальности уход за микрособакой, особенно в период взросления, требует времени и терпения. Из-за навязчивого позиционирования в качестве удобных питомцев многие миниатюрные животные оказываются в приютах или погибают вследствие ненадлежащего ухода.

Животные как фармакологические препараты

Согласно Винникотту, заботясь о ребенке, мать показывает ему, что *жизнь стоит того, чтобы жить*⁹⁴. Задача трансфертного объекта – напоминать об этом. Восторг, который человек испытывает, играя с питомцем, облегчает переход к реальности – заставляет фокусировать внимание на текущем моменте, отвлекаясь от переживаний по поводу карьерных и романтических неудач. Тем не менее в отличие от медитации и некоторых методик психотерапии, направленных на развитие осознанности, зрительный и тактильный контакт с трогательными животными не требует усилий, имеет временный эффект и не способствует приобретению навыка сопротивления стрессу без посредников. И хотя встреча с мамэсиба в токийском кафе может быть воодушевляющим опытом, приобретение его в качестве питомца сделает подобное переживание обыденным. Уменьшение размера собаки позволяет сделать взаимодействие с ней еще более привычным – животные карманного формата становятся такими же *подручными* объектами, как смартфоны, которыми мы манипулируем автоматически. В этом отношении Сырок как мобильное средство примирения с реальностью напоминает портативный диспенсер сомы – *безвредного* синтетического наркотика, который помогал персонажам антиутопии Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» мгновенно подавлять любые негативные эмоциональные импульсы и возвращаться к исполнению предписанных им ролей.

Как отметил Стиглер, когда трансфертный объект становится обыденным, он рискует перейти в разряд фармакологических препаратов с возможностью привыкания и опасностью интоксикации⁹⁵. В этом случае условного мишку Тедди, который призван стимулировать интерес к активному познанию мира, необходимо рассматривать как средство, способное в определенных обстоятельствах стать токсичным для психического здоровья ребенка. Следуя этой логике, влияние животных-компаньонов, которые позиционируются и используются как переходные объекты, может быть как продуктивным, так и деструктивным. Эффект их воздействия на наш ментальный аппарат во многом зависит от поведения и самочувствия животных, характера взаимодействия с ними, частоты и близости контактов. Например, групповая терапия с участием собак, ориентированных на просоциальное поведение в отношении людей, как правило, снижает напряжение, облегчает связь с реальностью и поощряет тех, кто пережил травму, вернуть навыки взаимодействия с окружающими. Также животные-терапевты часто помогают детям, которые испытывают сложности в процессе адаптации к новой среде: животные побуждают их проявлять инициативу в общении со сверстниками без участия родителей. В этих ситуациях атмосферу комфорта и доверия, созданию которой способствует присутствие животных, можно считать *продуктивной*.

С другой стороны, повседневное использование животного-компаньона в качестве антистрессовой игрушки, которая всегда под рукой, может привести к формированию психической зависимости. К тому же привыкнуть к компании питомца намного легче – в сравнении с мишкой Тедди взаимодействие с живым телом сопровождается более яркими эмоциональными переживаниями. Рассуждая о терапии с участием собак, необходимо упомянуть важный эффект, который отличает живой переходный объект от искусственного, Сырка от Aibo, – интенсификацию удовольствия. Демонстрируя наслаждение от ласк, животные многократно повышают степень удовлетворения, которое мы испытываем в процессе общения с ними. Экстремально трогательные животные-компаньоны, похожие на мамэсиба или помски, всегда расположенные к контакту с людьми, могут усугубить развитие зависимости и, как следствие, усилить склонность к социальной изоляции и меланхолии. Когда человек чувствует себя оди-

⁹⁴ Stiegler 2013: 1.

⁹⁵ Ibid.: 3.

ноким, а в отношении к себе окружающих видит лишь безразличие или агрессию, ласковый питомец может усугубить желание замкнуться в зоне *непродуктивного* комфорта. Вместо напоминания о том, что жизнь за пределами квартиры и интернета стоит того, чтобы жить, такие отношения могут убедить в обратном. Если среди разных типов физической социальности источником положительных эмоций будет лишь контакт с животным-компаньоном, среда и отношения, расположенные вне интимного пространства взаимодействия с ним, могут оцениваться как психологически небезопасные. Это во многом объясняет популярность котокафе и голографических компаньонов в Японии как альтернативы социальным связям, а также тот факт, что Антонакопулос и Пикок не нашли прямой зависимости между наличием животных-компаньонов и психическим здоровьем их опекунов, отметив вместо этого склонность одиноких владельцев кошек и собак к повышенной тревожности⁹⁶.

Ил. 4. Александр Повзнер. Без названия, 2020. Бумага, тушь, 62 × 87 см

⁹⁶ Peacock, Chur-Hansen, Winefield 2012: 292; Antonacopoulos, Pychyl 2010: 37.

Животные как телесные терапевты: потребность в тактильном этикете

В отличие от других механизмов поддержки, в трансфертном объекте нас привлекают прежде всего его физические свойства (*ил. 4*). У каждого из нас есть любимые фактуры, к которым хочется прикасаться снова и снова, чтобы испытать приятные ощущения. Для кого-то это кашемировый шарф, для некоторых – воздушно-пузырчатая пленка («пупырка»), для меня – бумага в японских книгах и блокнотах. Такие предметы обладают определенным набором качеств, возбуждающих наши тактильные ощущения, но эффект от прикосновения к животному не сравнится по силе воздействия ни с одной вещью подобного рода. В процессе общения с животными чувствительные рецепторы наших пальцев активируют целый спектр ощущений. Мы взаимодействуем с мягкой шерстью животных, ощущаем их вес, температуру и текстуру их кожи, ритм сердцебиения и дыхания, реагируем на движения, которые они производят в поисках ласки. Сжимая антистрессовые игрушки, например сквиши (от английского *squishy* – «мялка»), или прикасаясь к телам животных, мы тратим излишек нервной энергии и расслабляемся, занимая мозг обработкой сенсорной информации. В дополнение к эффекту, который производит взаимодействие с приятными на ощупь предметами, тактильный контакт с животным-компаньоном провоцирует дополнительный эмоциональный подъем в ответ на знаки доверия и симпатии со стороны живого и чувствующего «не-я». Кошки и собаки отзываются на нежность ответными прикосновениями, жмурятся от удовольствия, расслабляют мышцы, облизывают наши руки, подставляют бока, щеки и другие чувствительные зоны для почесываний – эта демонстрация признания, как и сами ласки, стимулирует выработку окситоцина. В этом отношении влияние тактильных контактов с животными на наше настроение напоминает приятный разговор с людьми, которые нам близки и симпатичны.

Рост тревожности в повседневной жизни обостряет потребность в умиротворении и безопасности – так как прикосновения к животным-компаньонам способствуют появлению этих ощущений, стремление к тактильному контакту с ними рискует превратиться в автоматическую реакцию на стресс. К тому же злоупотреблять животными, используя их тела для самоуспокоения, легче, чем инициировать контакт с людьми. У кошек и собак намного меньше возможностей избежать назойливых прикосновений со стороны своих людей, чем у членов их семей: некоторые животные воспитаны беспрекословно подчиняться, у других удалены когти, третьи слишком малы. Кроткий Сырок и другие собаки карманного формата будто созданы служить жвачкой для рук. Некоторые люди не замечают, не понимают или намеренно игнорируют поведенческие сигналы, которые говорят о том, что животному некомфортно. Есть и те, кто еще не успел подумать об этикете контактной социализации своих собак и стесняется отказывать незнакомцам, которые обращаются с вопросом «А можно погладить?». Многие прикасаются к чужим животным, не спрашивая – например, в Великобритании это норма.

Помимо преувеличенного объема тактильных взаимодействий, многие люди прикасаются к собакам и кошкам неправильно: наши тела отличаются, и то, что приятно и понятно человеку, может доставить животному дискомфорт и даже напугать его. В быту мы часто не только проецируем на питомцев человеческие эмоции, но и пользуемся теми же моделями прикосновений: это хорошо заметно в поведении детей, которые обнимают собак, целуют котов и пытаются взять их за лапы. Все три типа контакта, как правило, неприятны животным и могут быть опасными. Приближение лица для поцелуя может напугать кошку, а обездвиживающие объятия – собаку, для которой всегда важна опция побега. К тому же у каждого животного свои привычки – вопреки распространенному мнению, некоторые коты с детства любят поглаживания живота, но не терпят, когда их берут на руки, поэтому перед тем, как отдать своего компаньона на передержку, важно подробно описать ее или его привычки.

В 1990–2010-е годы, в процессе исследований влияния тактильной терапии на недоношенных детей, Тиффани Филд доказала, что прикосновения почти так же важны для развития младенцев, как и питание⁹⁷. Ее открытия стимулировали интерес к изучению массажа и других практик тактильного воздействия как способов лечения симптомов самых разных заболеваний – от СДВГ до диабета. Результаты исследований Филд, а также сравнение уровней агрессии подростков в культурах с дефицитом прикосновений (Великобритания, США) и традиционно тактильных культурах (Франция, Уганда, Индия) позволили рассматривать *сенсорный голод* как важный фактор психического здоровья⁹⁸. Согласно Филд, помимо питания и физических упражнений каждому человеку необходима ежедневная доза прикосновений. Тактильный контакт снижает уровень кортизола, гормона стресса, способствует нормализации мозговых волн, дыхания, сердечного ритма и даже иммунной системы⁹⁹. Между тем тактильное взаимодействие между людьми продолжает подвергаться социальной стигматизации как возможное проявление сексуальных импульсов. Чтобы избежать возможных обвинений в насилии, детские сады и школы вводят запреты на тактильный контакт, в том числе между детьми. Несмотря на то что прикосновения необходимы им для выживания и формирования здоровых представлений о любви и привязанности¹⁰⁰, современные родители тоже стараются сдерживать импульсы к тактильному контакту – по словам Филд, на фоне превращения прикосновений в табу родители занимаются самодиагностикой и переживают, что желание прикоснуться к ребенку может быть понято как проявление полового влечения¹⁰¹. В этой ситуации и дети, и взрослые компенсируют дефицит тактильности за счет животных-компаньонов (прикосновения к которым свободны от неудобного подтекста) и полимерных жвачек для рук – Филд считает, что популярность в США антистрессовых сквишей и слаймов связана с недостатком прикосновений¹⁰².

Принцип минимальных прикосновений уже стал частью глобальной культуры как компонент делового этикета и норма вежливого поведения в публичных пространствах перенаселенных городов. Активные прикосновения подчинены строгим регламентам – достаточно вспомнить *осия* (от японского ## – «толкать»), сотрудников токийского метро и железных дорог, которые заталкивают пассажиров в переполненные вагоны, прикасаясь к их спинам – наименее стигматизированному участку тела. Побывав на приеме у врача в японской провинции, я поняла, что и эта область вынужденных прикосновений подчинена правилам – контактный осмотр проводится строго в присутствии медсестры, которая берет на себя манипуляции с нижним бельем и легкими толчками указательного и среднего пальцев приводит тело пациента в нужное положение.

В последние десятилетия развитие интернет-коммуникации, культура самозамкнутого индивидуализма, распространение уединенного образа жизни и снижение сексуальной активности многократно усугубили дефицит прикосновений. Состояние постоянного нервного возбуждения как следствие воздействия информационных и визуальных сигналов обостряет потребность в физическом контакте, а эмоциональная усталость побуждает выбирать быстрые и легкие способы снятия напряжения, в том числе контакт с животными. Из-за хронических переработок, недостатка времени и денег немногие из нас могут позволить себе утолять тактильный голод с помощью альтернативных методик – регулярных расслабляющих ванн, мануальной терапии, плавания, сеансов массажа или занятий керамикой. В период пандемии для

⁹⁷ Благодаря регулярной тактильной терапии недоношенные младенцы на 47% быстрее набирали вес, чем дети из контрольной группы. Field 2001: viii.

⁹⁸ Ibid.: 20.

⁹⁹ Ibid.: viii, x.

¹⁰⁰ Ibid.: 5.

¹⁰¹ Ibid.

¹⁰² Ibid.: 109.

многих одиноких людей животные-компаньоны остались единственным источником живых прикосновений.

Профессионалы зооиндустрии и специалисты по человеческим ресурсам уже оценили и с успехом эксплуатируют терапевтический эффект тактильного контакта с трогательными животными. Они устраивают сеансы снятия стресса, приглашая в офисы и учебные заведения социализированных собак, готовых к прикосновениям и объятиям посторонних. Лицами контактных сессий с животными выступают большие альбиносы мохнатых пород и золотистые ретриверы (в противовес черным собакам, которых из приютов забирают редко)¹⁰³. Офисы многих западных корпораций перешли к формату *pet-friendly*, как и некоторые московские компании: благодаря контакту с животными сотрудники чувствуют себя как дома и не торопятся уходить с работы. В то же время в офисном опенспейсе собаки могут подвергаться тактильной перегрузке. Городская инфраструктура в целом, включая рестораны, магазины и такси, становится терпимее к животным-компаньонам, хотя многие общественные заведения все еще настаивают на наличии намордников. Правда, теперь это правило звучит все реже: крупных собак становится меньше, а трудно преодолимое желание прикоснуться к их уютным телам компенсируется миниатюрными животными, воплотившими идею Дин о крошечных наггетсах удовольствия.

Итак, хронический дефицит прикосновений, нервное возбуждение, чувство нестабильности, кризис внимания и многие другие факторы влияют на перепроизводство животных-компаньонов и появление новых способов радикальной трансформации их тел. Ориентация рынка на миниатюрных кошек и собак способствует росту спроса на диких животных карманного формата. Как симптом изменений в образе жизни, приоритетах и желаниях людей потребность в питомцах-психотерапевтах продолжает стимулировать расширение ассортимента удобных животных с тактильными и визуальными характеристиками антистрессовых игрушек. Уже сегодня свободные животные с трогательной внешностью и приятными на ощупь телами становятся потенциальными объектами приручения и миниатюризации – вполне вероятно, что уже скоро в зоомагазинах появятся карманные вомбаты, развлекающие владельцев квадратными фекалиями, и компактные выдры, которым достаточно купания в ванной малогабаритной квартиры.

Руководством к преобразованию животных-компаньонов в фармакологические препараты против стресса служит профиль потенциальных покупателей. Он характеризуется, с одной стороны, отсутствием времени, энергии, лишних квадратных метров, семьи и возможности планировать свою жизнь на пятнадцать лет вперед; с другой – развитием психических и поведенческих расстройств, которые, помимо прочего, влияют на уровень внимания к потребностям животных-компаньонов и способность к сосредоточенному взаимодействию с ними. В таком контексте задача формирования глубокой привязанности становится очень сложной. Это не значит, что депрессию, СДВГ и другие диагнозы стоит считать противопоказанием для жизни с животным-компаньоном. Тем не менее решение взять ее или его в приюте или купить не может быть спонтанным и ориентированным на получение удовольствия – статистика брошенных животных побуждает брать в дом кошек и собак в ответ на их потребность в опеке.

Эффективная забота о своем здоровье в рамках неолиберальной культуры позиционируется как личная ответственность каждого из нас – пока это отношение к психическим и эмоциональным расстройствам не изменится, ни один, даже самый удобный кот не сможет вылечить депрессию. В условиях интенсивной чувственной стимуляции и других явлений цифрового изобилия заботу о себе бессмысленно перепоручать животному-компаньону, игнорируя дисциплину внимания, баланс активностей и профессиональную помощь. Несмотря на это практика использования кошек и собак для снижения стресса поддерживается средствами массовой

¹⁰³ Из интервью 2020 года с Марусей Лежневой, директором ассоциации «Благополучие животных».

информации, психотерапевтами и даже некоторыми приютами – потребность в психологическом комфорте считается достойной причиной для «укотвления». На фоне популяризации антистрессового потенциала кошек и собак желание построить «аутентичные эмоциональные и социальные отношения с [ними], отличные от тех, что связывают [нас] с людьми» – редкий мотив для формирования межвидовых союзов¹⁰⁴. Пока отношение к животным как ресурсу для удовлетворения человеческих потребностей остается нормой, единственным фактором, который сдерживает рост популяции кошек и собак, является нежелание арендодателей пускать в свои квартиры животных. В ожидании смены ценностных установок в отношении нечеловеческих компаньонов нам остается формулировать правила этической дисциплины самостоятельно – для этого необходимо помнить, почему собаки, кошки и другие трогательные животные так востребованы в качестве объектов психологической поддержки и какие привычки провоцирует такое использование их тел.

¹⁰⁴ Гийо 2019: 273.

ГЛАВА 2. СУБСТИТУТЫ ДЕТЕЙ

У меня никогда не было мягких игрушек, похожих на взрослых животных. Даже в семье игрушечных медвежат у детей и родителей выражения лиц и пропорции тел были одинаковыми: ребенок отличался от мамы и папы лишь размером, а медведица от медведя – наличием кухонного фартука. Мне стало интересно, всегда ли детские игрушки выглядели как дети. Оказалось, что первый плюшевый мишка Тедди совсем не похож на ребенка. Он появился в 1902 году как реакция на заметку The Washington Post о неудачной охоте Теодора Рузвельта – его отказе стрелять в медведя, которого один из его служащих оглушил прикладом винтовки и привязал к дереву¹⁰⁵. Оригинал мишки Тедди сегодня хранится в Национальном музее естественной истории: пропорции его тела близки к параметрам взрослого животного, на лице – выражение смущения, которое при смене ракурса переходит в раздражение¹⁰⁶. Несмотря на это Тедди стал самой популярной игрушкой в западном мире. На протяжении XX века прибыль от продажи плюшевых компаньонов росла, а внешний возраст Тедди уменьшался – головы и уши мишек увеличивались и округлялись, а лапы укорачивались и утолщались, стремясь к младенческим пропорциям. К 1960-м годам Тедди стал «ровесником» детей и с тех пор не вырос. У моего медведя из 1980-х уже не было вышитых когтей, лишь трогательные клетчатые ступни, но главное – неизменная полуулыбка, всегда не к месту: возвращаясь домой из советского детсада, хотелось хоть раз увидеть на его лице адекватный эмпатический отклик – выражение безысходности или хотя бы сочувствия.

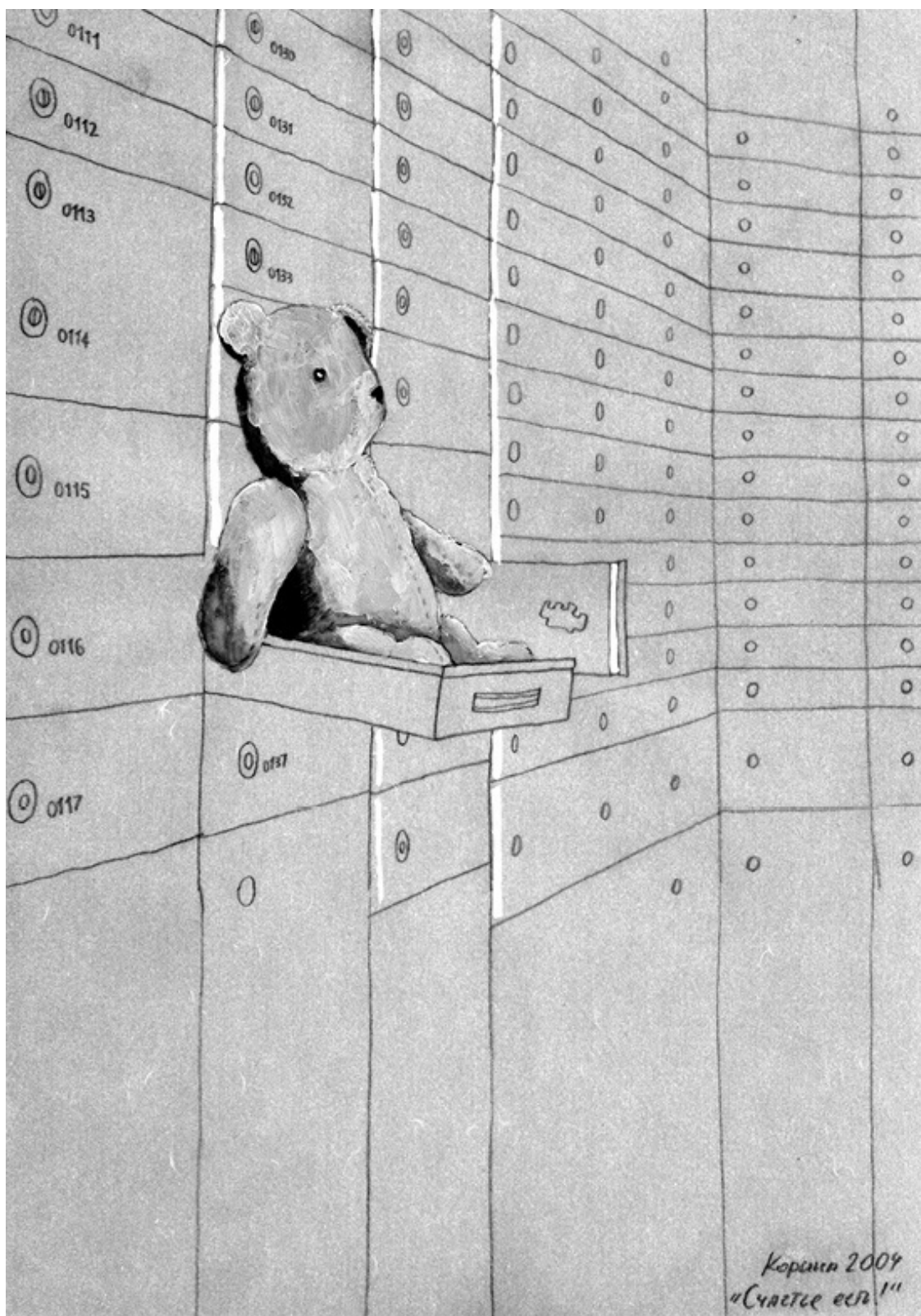
С распространением эстетики *кавайи* и культуры YA (*young adults*, молодых взрослых) желание тридцатилетних читать подростковые книги и покупать трогательные вещи перестало казаться неуместным. В первые десятилетия XXI века внешне помолодели роботизированные питомцы Aibo. В 2013 году Bandai, производитель Tamagotchi, выпустила приложение для «ностальгирующих миллениалов», которые теперь могут растить виртуальных питомцев в смартфонах. С начала 2010-х, с распространением новых мессенджеров, таких как KakaoTalk, Line и Telegram, использование трогательных эмодзи в переписке стало нормой для людей всех поколений. В стикерпаках этих приложений преобладают трогательные животные, среди персонажей, представляющих бренды Line и Kakao, есть азиатские версии мишки Тедди – Brown и Ryan. Как и многие другие популярные эмодзи, они развиртуализировались и стали частью материальной культуры. Их изображения используются в оформлении фирменных канцелярских товаров, аксессуаров и предметов интерьера, которые часто покупают взрослые. Также круг поклонников кавайных персонажей растет благодаря видеоиграм. Ядро целевой аудитории Nintendo традиционно составляли дети 6–14 лет, но милые *карманные монстры* продолжают набирать популярность среди взрослых: на момент запуска приложения с игрой Pokémon GO в июле 2016 года доля игроков в возрасте 30–49 лет составила 25%, или пять миллионов двести пятьдесят тысяч человек¹⁰⁷. Вслед за популярностью подобных персонажей вырос спрос на кошек и собак «карманного» формата – почти у каждой модной породы появилась карликовая версия. Бум социальных медиа позволил людям массово делиться изображениями своих животных с другими пользователями и зарабатывать сперва социальный, а затем и финансовый капитал. Трогательные лица и тела миниатюрных животных оказались идеаль-

¹⁰⁵ Карикатура Клиффорда Берримана была опубликована в The Washington Post 16 ноября 1902 года. Благодаря ей история Рузвельта и медведя запомнилась тем, что президент посчитал недостойным стрелять в раненого зверя на привязи. Тем не менее Рузвельт приказал своему компаньону «избавить его от страданий», и тот зарезал медведя. См.: Kaplan 2016.

¹⁰⁶ Первый мишка Тедди хранится в Национальном музее естественной истории Смитсоновского института в Вашингтоне, США.

¹⁰⁷ По данным немецкой исследовательской компании Statista, публикация *Distribution of Pokémon GO users in the United States as of July 2016, by age group*, 26 июля 2016 года.

ным контентом для личных блогов. На фоне производства собак, которые до конца жизни сохраняют щенячьи тела, появилась концепция межвидового родительства: ее сторонники считают питомцев своими детьми и строят отношения с ними в соответствии с традиционными представлениями о материнстве и отцовстве. И хотя для популярности миниатюрных животных-компаньонов много причин, в этой главе мы попробуем разобраться, почему все более востребованными становятся питомцы, похожие на детей, какие человеческие потребности они удовлетворяют, кому приносят деньги и какую цену платят за вечную юность.

Ил. 5. Ирина Корина. Счастье есть! 2004. Калька, гуашь, графитный карандаш. 29,5 × 21 см. Собрание Московского музея современного искусства. Благодаря ассоциации с детством образ плюшевого медведя используется в рекламе как универсальный символ счастья. Работа Кориной воспроизводит сюжет рекламного модуля банка

Животные-компаньоны как спутники продленного детства

Почему человек выбирает животное в качестве объекта заботы? Одна из причин в том, что рядом нет значимого другого. Это происходит из-за ослабления интенсивности семейных, дружеских и романтических связей на фоне свободы и анонимности, которые предлагает жизнь в мегаполисах. Интернет позволяет постоянно обновлять круг общения, провоцируя переход к экстенсивному типу социальных отношений – постоянному расширению сети *поверхностных* знакомств. Как мы обсудили выше, в период кризиса продолжительных отношений с людьми животные-компаньоны помогают реализовать потребность в физической близости, в том числе тактильной. Также через общение с ними человек удовлетворяет желание быть значимым для другого живого существа. Для понимания природы таких союзов ослабление социальных связей стоит рассматривать как следствие более сложного феномена, связанного с перераспределением ответственности. В современном контексте замещение людей животными – это симптом двух взаимосвязанных процессов: с одной стороны, ранней эмансипации от родителей и профессиональной независимости (то есть принятия ответственности за себя), с другой – постоянного откладывания социального взросления, которое выражается в состоянии *продленного детства* (то есть в неопределенной отсрочке многолетней ответственности за благополучие другого человека – романтического партнера и/или ребенка). Первый процесс требует времени и энергии и предполагает постоянное переизобретение себя, включая освоение нескольких смежных или даже разноплановых специализаций к 35–40 годам. Второй позволяет экономить ресурсы времени и энергии для профессионального развития и развлечений. При этом даже если молодые люди покидают родной дом, родители всегда остаются на связи благодаря сетевым технологиям. Опираясь на теорию развития личности Эрика Эриксона, социальный психолог, исследователь науки и технологий Шерри Таркл предположила, что это обстоятельство препятствует установлению дистанции, необходимой для взросления:

Родители всегда доступны... Молодые люди не могут научиться переживать одиночество, размышлять о своих эмоциях наедине с собой. Хрупкие и зависимые, они не способны сформировать представление о том, кто они такие, до того, как они наладят успешные жизненные партнерства¹⁰⁸.

В эпоху юности моих родителей время для развлечений было редким и концентрированным: зачастую подростки и молодежь активно веселились лишь в годы студенчества. Иногда досуг удавалось совмещать с работой на стартовых должностях, когда количество свободного времени превосходило уровень ответственности. Сегодня период стажировок, дополнительного образования и начальных рабочих позиций растягивается на два десятилетия. В этих условиях животные-компаньоны, хорошо адаптированные к жизни в мегаполисах, представляют собой наименее обременительный пакет ответственности – обязательств, которые неизменно сопровождают физическую близость и эмоциональную привязанность к другому. При этом взаимодействие с животными часто приносит больше удовлетворения, чем отношения с людьми.

В 2014 году кинокритик Энтони Оливер Скотт открыл дискуссию о «смерти совершенноголетия в американской культуре»¹⁰⁹, вступив в полемику с журналисткой Рут Грэм¹¹⁰. В статье «Против YA» Грэм пишет, что в США 28% книг, написанных для двенадцати-семнадцатилетних, покупают и читают люди в возрасте 30–44 лет. Журналистка считает, что «взрослые

¹⁰⁸ Dean 2013: 76.

¹⁰⁹ Scott 2014.

¹¹⁰ Graham 2014.

должны стыдиться интереса к литературе, написанной для детей», при этом признает, что роман о любви красивых подростков – очень соблазнительный способ бегства от реальности¹¹¹. В этих словах содержится важный намек: ностальгия по детству связана с тоской по *искренности* и романтике. Распространение эстетики каваяи также удовлетворяет потребность в эскапизме – объекты и контент, которые вызывают реакцию умиления, создают альтернативный эмоциональный контекст на фоне социального напряжения и политической депрессии, характерной для неолиберальных культур¹¹². Вкупе с ностальгией по детству эстетика трогательности формирует интимное пространство для восстановления психологического равновесия: потребление кавайного контента позволяет временно изъять себя из «взрослой» жизни и отвлечься от мыслей о двойных стандартах, дискриминации, безработице, неравенстве, насилии и ответственности¹¹³. В этом контексте попытка Грэм пристыдить взрослых потребителей YA-культуры за стремление переживать юношеские удовольствия выглядит довольно жестокой – увлечение подростковыми сюжетами и трогательными персонажами, способными на искренние чувства и романтические жесты, выглядит сравнительно безопасной стратегией выживания в стрессовой среде, особенно в сравнении с антидепрессантами и алкоголем. С другой стороны, социальные эффекты продленного детства еще недостаточно исследованы, чтобы квалифицировать их как социально приемлемый риск.

В поисках ответа на вопрос «Почему взрослый образ жизни стал концептуально несостоятельным?» Скотт исследовал персонажей американской литературы, опираясь на работы литературного критика Лесли Фидлера, и пришел к выводу, что сопротивление императивам совершеннолетия имеет долгую историю:

Типичным мужским протагонистом в нашей художественной литературе был мужчина в бегах, вытесненный в лес или море... куда угодно, лишь бы избежать «цивилизации», то есть противостояния мужчины и женщины, ведущего к сексу, браку и ответственности. Одним из факторов, определяющих тему и форму наших великих книг, является стратегия уклонения, отступления к природе и детству, которое делает нашу литературу (и жизнь!) настолько очаровательно и неистово «мальчишеской»¹¹⁴.

Анализируя персонажей Марка Твена, Скотт подчеркивает важность постоянного противопоставления инстинктивной порядочности Гекльберри Финна и лицемерия взрослого мира. Гек бежит от отца-алкоголика, а затем – от душного авторитета женщины, который господствует в приватном пространстве американского дома¹¹⁵. Сегодня похожую стадию юношеского бунта против патриархальных институтов переживают женщины, вспомним комедийные сериалы – «Девочки» (2012–2017) и «Брод Сити» (2014–2019), позже – «Дрянью» (2016–2019) и «Великая» (2020–...). После сатирического протеста, как считает Скотт, для женских культурных героев наступит фаза инфантильного отрицания романтических отношений и родительства по примеру протагонистов-мужчин¹¹⁶. Симптомы этого процесса уже заметны: в 2018 году 36% жителей США в возрасте 20–45 лет выразили сомнение в том, что дети совместимы с желанием иметь больше свободного времени, 34% опрошенных не нашли партнера для воспитания ребенка, а для 31% респондентов расходы, связанные с заботой о детях, слишком ощутимы¹¹⁷. По сравнению с ребенком уход за животным-компаньоном почти не занимает времени

¹¹¹ Речь о романе «Виноваты звезды» Джона Грина, герои которого знакомятся в группе поддержки для больных раком.

¹¹² Berlant 2011: 261.

¹¹³ Dale, Goggin, Leyda, McIntyre, Negra 2017: 10–11.

¹¹⁴ Scott 2014.

¹¹⁵ Ibid.

¹¹⁶ Ibid.

¹¹⁷ Miller 2018.

и стоит значительно дешевле. В то же время социальное благополучие питомца не требует «полной семьи», то есть наличия второго «родителя».

В 2016 году, выступая с лекцией в Колледже вечнозеленого штата в Вашингтоне, Донна Харауэй предложила свое определение человечества, назвав людей «личинками, которые никогда как следует не взрослеют»¹¹⁸. Мы не окукливаемся, чтобы перейти на стадию размножения. Для нас физиологически неизбежным является лишь старение, но не взросление – от последнего можно сбежать бесконечно, используя доступные средства, будь то американские антиутопии о подростках, японские компьютерные игры или южнокорейские микропудели.

Именно животные-компаньоны удовлетворяют потребности в привязанности и принадлежности – желаниях, которые невозможно в себе подавить: стремление к близким взаимоотношениям и тактильному контакту свойственно и детям, и подросткам, и тем, кто выбирает образ жизни «молодых взрослых». В современных неолиберальных культурах возможность не-взросления сочетается с опцией искренних и стабильных отношений с животным, которое зачастую оказывается «более человеческим, чем большинство людей»¹¹⁹. Причин оставаться добровольно бездетными становится все больше. Среди них – неуверенность в партнере, дефицит свободного времени, снижение доходов, прекаризация труда, а также тревоги о будущем, вызванные переживанием политических кризисов и симптомов глобальной экологической катастрофы. Не имея возможности строить планы на вырост, «личинки людей» объединяются с личинками кошек и собак в уютное сообщество продленного детства, наполненного нежностью и играми. Несмотря на то что с этой функцией вполне справляются собаки карликовых стандартов и обычные кошки, заводчики-авантюристы создают карманных животных, которые похожи на детей в самом буквальном смысле.

¹¹⁸ Исходная формулировка: «Larvae that never become properly adult». См.: <https://www.youtube.com/watch?v=fWQ2JYFwJWU>.

¹¹⁹ Философ Джонатан Сингер цитирует своего отца, который называл семейного шелковистого терьера Сэмми «вторым сыном». См.: Singer 2015: 99.

Миниатюрные животные и родительский инстинкт

В середине 2010-х годов исследования трогательных предметов, персонажей и животных – их способности вызывать эмоциональную реакцию людей – выделились в отдельную академическую дисциплину: *cuteness studies*. В рамках этой науки совокупность «умилительных» характеристик получила название «*aww*-фактор» (от «*aww*» – возгласа умиления в английском языке)¹²⁰. В основе его действия лежит «схема ребенка» (*Kindchenschema*), разработанная австрийским зоологом Конрадом Лоренцем в 1943 году. Эта модель предложила ответ на один из вопросов дарвиновской теории: какие качества, приобретенные детьми в результате естественного отбора, побуждают взрослых заботиться о них?¹²¹ Лоренц предположил, что трогательные черты в облике младенцев и детей до 3 лет стимулируют проявление родительского инстинкта. Похожими морфологическими характеристикам обладает потомство млекопитающих и птиц – благодаря детским чертам даже те животные, которых принято считать неприятными, могут вызывать положительные эмоции (достаточно взглянуть на птенца вороны). Согласно гипотезе Лоренца, непропорционально крупная голова, преобладание мозгового отдела черепа над лицевым, большие круглые глаза с опущенными внешними уголками, пухлые щеки, короткие и широкие конечности, упругое тело, эластичная кожа и неуклюжие движения пробуждают в нас невольное желание позаботиться о ребенке¹²². Чтобы максимально усилить *aww*-фактор, современные заводчики проводят целенаправленную селекцию животных с инфантильными чертами. В том числе поэтому приобретают популярность кудрявые кошки, которые в XIX веке считались больными. И хотя некоторые исследователи подчеркивают, что эффект трогательных внешних и поведенческих качеств несводим к автоматической, дологической реакции¹²³, «детская схема» Лоренца используется как эффективный маркетинговый инструмент, стимулирующий спонтанные интернет-покупки миниатюрных кошек и собак, а также аксессуаров для них. Вместе с внешними и поведенческими чертами из списка Лоренца в дизайне современных кawaii-товаров и продвижении трогательных животных задействованы и другие признаки, которые традиционно ассоциируются с детством, например сладкие запахи, детские вокализации, приятные цветовые оттенки, а также такие абстрактные характеристики, как наивность, невинность, беззащитность, искренность. Применительно к животным-компаньонам ведущее значение приобретает размер: чем меньше тело, тем выразительнее проявляются детские черты.

«Маленькая собачка до старости щенок» – современный рынок домашних животных превратил эту поговорку в формулу производства *невзрослеющих* кошек и собак. Чтобы вывести животных карманного формата, заводчики выбирают для скрещивания самых маленьких особей в помете. Десятилетием раньше такие котята и щенки считались браком. Питомники, которые заботятся о своей репутации, до сих пор не продают собак, чьи размеры не достигают минимума, установленного национальными клубами различных пород для карликовых версий, – не случайно на профессиональном жаргоне мелких щенков называют *runts* (в переводе с английского – «отсталые»). Это не значит, что каждая миниатюрная собака имеет врожденные дефекты¹²⁴, провоцирующие серьезные хронические заболевания. Тем не менее, по оценкам ветеринаров, для кошек и собак, которые продаются под лейблом «*teacup*», такой риск

¹²⁰ Dale 2017: 35.

¹²¹ Dale, Goggin, Leyda, McIntyre, Negra 2017: 3.

¹²² Ibid.

¹²³ Dale 2017: 35.

¹²⁴ Например, порок сердца или печеночные шунты, аномальные соединения сосудов, которые связывают печеночную портальную вену и системное кровообращение.

значительно превышает допустимый. Многие из них страдают гипогликемией – низким содержанием глюкозы в крови. Это состояние может вызвать у животного судороги с летальным исходом, именно поэтому микропитомцев необходимо кормить часто и по расписанию. Также неестественно маленький размер тела увеличивает предрасположенность к болезням сердца, проблемам с дыханием и пищеварением, разрушению хрящевых колец трахеи, формированию аномального прикуса, вывиху коленной чашечки, артриту, слепоте и гидроцефалии – скоплению лишней жидкости в головном мозге. Скелет миниатюрных животных очень хрупкий: падение из рук опекуна, прыжок со стола на пол или укусы более крупных собак, которые видят в них грызунов, могут привести к переломам костей и даже гибели¹²⁵. Неестественно маленькие кошки, взрослый вес которых не превышает полутора килограммов, часто страдают от болезней полости рта и зубов, а также не могут регулировать температуру тела – чтобы помочь им согреться, владельцы покупают для них теплую одежду. Так как низкий рост снижает выносливость и затрудняет возможность вести себя естественно – запрыгивать на диваны и подоконники, бегать за мухами и взбираться на игровые башни, – миниатюрные кошки испытывают фрустрацию, и у них могут развиваться стрессовые расстройства¹²⁶.

Эти и многие другие риски связаны с тем, что методы разведения миниатюрных животных прежде всего ориентированы на радикальное уменьшение размеров их тел. Так как формат *teacup* не признан официально, бизнес по производству таких животных привлекает некомпетентных и недобросовестных людей. Высокий спрос на карманных питомцев побуждает их использовать неэтичные технологии разведения, включая инбридинг – скрещивание близкородственных особей. Для задержки роста щенкам и котят снижают норму рациона и содержат в тесных клетках. Даже если все необходимые предосторожности соблюдены, размножение микрособак изначально нельзя считать гуманным, так как тела миниатюрных самок способны вырастить в утробе не больше двух щенков, а роды связаны с возможностью серьезных осложнений и для матери, и для потомства¹²⁷. Принимая во внимание все эти факторы, ветеринары не рекомендуют покупать неестественно маленьких животных. К тому же, несмотря на то что такие питомцы менее активны, их нельзя назвать более удобными по другим критериям – в сравнении с кошками и собаками карликового стандарта, за ними необходимо постоянно присматривать во избежание травм, следить за тем, чтобы они вовремя поели, не говоря о риске развития хронических болезней уже в первые годы жизни.

¹²⁵ Sullivan 2017.

¹²⁶ Sullivan 2018.

¹²⁷ Jobe 2013.

Невзрослеющие тела животных и бебиморфизм

Миниатюрное тело – не единственное качество, которое делает животных похожими на детей, хотя именно крохотный размер заставляет маленьких кошек и собак постоянно искать контакта с теплыми руками человека, чтобы согреться (чем меньше животное, тем интенсивнее обмен веществ и выше разница температур его тела и окружающей среды). Многие признаки, описанные Лоренцем, в том числе детские пропорции головы и конечностей, характерны не только для экстремально миниатюрных животных. Такие черты внешности проявляются в облике кошек и собак стандартного размера, ведь изначально эти качества – *побочный* результат двух процессов: одомашнивания и самоодомашнивания (или автодоместикации). Под первым принято понимать искусственный отбор диких особей по признаку неагрессивного поведения. Под вторым – адаптацию животных к жизни рядом или вместе с людьми по собственной инициативе, ради доступа к остаткам пищи (в древние времена – к добыче людей-охотников, а сегодня – к съедобному мусору). Благодаря этому процессу у кошек и собак формируется не только привязанность к людям, но и склонность к играм в любом возрасте. Сегодня схожие признаки проявляются у других городских животных. Так, в 2020 году было опубликовано сравнительное исследование черепов сельских и городских рыжих лисиц (*Vulpes vulpes*). Оно зафиксировало, что у лондонских животных более короткие и широкие челюсти, удобные для того, чтобы разрывать пакеты с отходами, и менее крупные мозги, так как их добыча неподвижна¹²⁸. Интерпретация результатов этого исследования основана на данных эволюционного эксперимента, проведенного Дмитрием Беляевым и Людмилой Трут в 1959 году на базе новосибирского Академгородка. Целенаправленно отбирая черно-бурых лисиц, которые не боялись человека и были готовы к контакту с ним, ученые смогли превратить диких зверей в ласковых питомцев меньше чем за шестьдесят лет.

Толерантное отношение к людям – признак, нетипичный для черно-бурых лисиц. Попытка закрепить его с помощью искусственного отбора привела к *дестабилизации* морфологических и поведенческих характеристик, необходимых для выживания в естественной среде. Беляев и Трут объяснили это тем, что отбор на пониженную агрессивность вызвал гормональные изменения в организме животных: к десятому поколению уровень кортизола (гормона стресса) у подопытных лисиц снизился на 50% по сравнению с контрольной группой, зато секреция серотонина (гормона хорошего настроения) значительно увеличилась¹²⁹. Изменение гормонального фона привело к сохранению «щенячьих» черт в облике и поведении взрослых животных. Челюсти лисиц стали короче, длина лап уменьшилась, уши обвисли, у некоторых особей хвосты стали закручиваться колечком¹³⁰. В поведении проявились черты собак: интерес к играм с предметами, нетипичный для диких хищников, приветствие людей взмахами хвоста, поскуливание, желание облизать их руки¹³¹. Подобно кошкам, которые здороваются с нами мурлыканьем, для коммуникации с людьми лисицы развили особые вокализации, похожие на воркование¹³² (мой кот воркует похожим образом в те дни, когда я надолго исчезаю и он успеваешь соскучиться, или в периоды диеты, выпрашивая лишнюю еду). Итак, в результате селекции по признаку спокойного отношения к человеку внешность лисиц стала более трогательной, а поведение – инфантильным, но эти изменения никогда не были непосредственной целью одомашнивания.

¹²⁸ Parsons, Rigg, Conith, Kitchener, Harris, Zhu 2020.

¹²⁹ Дугаткин, Трут 2019: 110, 115, 116, 163.

¹³⁰ Там же: 214.

¹³¹ Там же: 107, 77, 109.

¹³² Там же: 135, 251.

Человек продолжает контролировать эволюцию прирученных животных – кошек, собак, свиней, лисиц, но впервые в истории желаемым результатом искусственного отбора становятся инфантильные черты внешности: миниатюрное тело, короткие лапы, округлые головы, большие глаза и уши. Собаки и кошки карманного формата – экстремальное проявление этой тенденции: их тела призваны сохранять детский размер и пропорции до конца жизни. Хрупкие, уязвимые, нуждающиеся в постоянной заботе, эти животные еще больше походят на детей. Несмотря на трогательную внешность, «преувеличенный инфантилизм»¹³³ – довольно монструозный феномен. Кошки и собаки с *невзрослеющими* телами не способны как следует выполнять многие функции, которые соответствуют их биологическому возрасту, например ловить мышей и размножаться. Микроживотные дрожат от холода при комнатной температуре и требуют интенсивной заботы по многим направлениям: их опекунам необходимо постоянно контролировать уровень стресса своих питомцев, предупреждать возможные травмы, придерживаться строгого графика кормления и чаще посещать ветклинику.

Помимо внешности, особые потребности миниатюрных собак и кошек, многократно преувеличенные селекцией, побуждают сравнивать их с детьми в возрасте 1–2 лет. Такая модель репрезентации животных получила название *бемиморфизм* и развивалась как альтернатива традиции сопоставления собаки с молодым волком¹³⁴. Анализируя эту тенденцию в книге «Люди и собаки», Доминик Гийо подчеркивает, что сходство социального поведения собак и детей – например, склонность к манипуляции эмоциями взрослых, чтобы получить желаемое, – не означает, что их когнитивные способности одинаковы:

Приобретение внешних признаков и форм поведения, характерных для ребенка, могло давать преимущества в естественном отборе... Свойственная собаке пластичность позволяет ей выработать любую манеру поведения, соответствующую той роли, которую приготовил для нее человек¹³⁵.

Несмотря на распространение междисциплинарной критики бемиморфизма, на бытовом уровне многие люди продолжают относиться к животным как к детям. Эффект такого отождествления приводит к *банализации* питомцев, делает их удобными для совместной жизни. Непонимание другого доставляет нам дискомфорт, который легко вытеснить, объяснив поведение животного-компаньона проявлением эмоций, капризов и других поведенческих стратегий, характерных для детей. Привычка навязывать животным человеческие роли не имеет отношения к заботе о них и связана с потребностью в самоидентификации (уточнении своего статуса в сравнении с другим). Прежде и диких, и прирученных животных называли младшими братьями, в современной культуре питомцы переведены в статус детей: это упрощение позволяет игнорировать тот факт, что их потребности и предпочтения меняются с возрастом и зависят от социального контекста (поведения людей и других животных). Как правило, не задумываясь об этических последствиях подобного сравнения, производители, владельцы и исследователи животных продвигают концепцию бемиморфизма, используя разные каналы коммуникации – разговорную речь, социальные сети, рекламу, СМИ и даже научные публикации.

Механизмы формирования привязанности у людей и собак действительно похожи – например, продолжительный взаимный взгляд и ласковые прикосновения. При этом интерпретация эмоциональной связи с животным-компаньоном с позиции взаимоотношений между родителями и детьми – лишь один способ из множества возможных. В 2015 году эксперимент исследовательской группы Михо Нагасавы показал, что общение животного и его чело-

¹³³ Tuan 1984: 102, 107.

¹³⁴ Бемиморфизм (от английского baby – «ребенок») – подход к изучению поведения собак, основанный на предположении, что по отношению к своим опекунам домашние собаки занимают позицию человеческого ребенка 1–2 лет и имеют сравнимые с ним ментальные способности. Подробнее: Miklósi 2007: 17.

¹³⁵ Гийо 2019: 193–194.

века сопровождается взаимной секрецией окситоцина: когда собака и ее владелец смотрят друг другу в глаза, концентрация гормона доверия увеличивается. Такой же эффект укрепляет связи между матерью и ребенком, а также поощряет сексуальных партнеров сохранять верность друг другу¹³⁶. Сегодня авторы научно-популярных текстов часто опускают последний факт, предпочитая сравнивать привязанность к животному-компаньону с материнской любовью¹³⁷, несмотря на то что окситоцин также участвует в установлении *горизонтальных* (партнерских) отношений, в том числе дружеских. Отождествление заботы о питомце с материнством постепенно приводит к тому, что о животных-компаньонах говорят исключительно с помощью родительской лексики. Вслед за языком, который структурирует общение матерей и отцов с маленькими детьми, в отношениях с питомцами начинают проявляться стереотипы родительского поведения. Непроизвольно называя себя котомамами, инстаграм-блогеры, участники реалити-шоу и знаменитости побуждают свою аудиторию воспринимать питомцев как альтернативу детям. Этим они оказывают неоценимую услугу рынку товаров и услуг для животных-компаньонов, так как популяризация родительской модели взаимоотношений и, как следствие, принципа интенсивной заботы провоцирует соответствующее потребительское поведение, в том числе приобретение необязательных продуктов и сервисов.

Феномен отношения к животным-компаньонам как к приемным детям проявляется во многих обществах. Исследуя культуру домашних животных в период классической Античности, Лилиан Бодсон упоминает о поэте Эвбуле, который критиковал восприятие питомцев как заместителей детей¹³⁸. Допустим, благодаря трогательной внешности, забавному поведению и проявлению дружелюбия со стороны животных люди склонны видеть в них «детей в мехах»¹³⁹, но насколько субъективна такая реакция? Умиление, которое я испытываю, наблюдая за неуклюжими движениями кота в попытке удержать в лапах игрушечный банан с глазками, не вызывает во мне желания назвать себя его мамой. В свою очередь, комментарий «послушный сыночек» под его фотографией в Instagram вызывает дискомфорт. Затрудняясь увидеть в нем своего ребенка и даже воспитанника, я стала сомневаться в том, что межвидовое родительство – это естественное следствие тех чувств, которые пробуждают в нас трогательные животные. Не обнаружив линейной связи между умилением, привязанностью и готовностью позиционировать себя в качестве мамы своего кота, я захотела узнать, какую роль в распространении родительской модели взаимоотношений с питомцами играет наша совместная жизнь с конкретными животными и как влияют на этот процесс типичные для того или иного сообщества социокультурные конструкты, например семья и общественный долг. Если отношение к животным-компаньонам как к детям в мехах – естественная склонность каждого из нас, почему лишь в некоторых обществах эта позиция считается нормой? Сравнив такие культуры, можно понять, что отождествление питомцев с детьми не всегда является проекцией наших к ним истинных чувств. Подобное восприятие может быть навязано доминирующей социальной моделью; в таком случае представление о питомцах как о детях в мехах регулирует процессы сосуществования людей друг с другом и не имеет отношения к конкретным животным и тем эмоциям, которые мы испытываем, взаимодействуя с ними. Чтобы разобраться в социокультурных истоках межвидового родительства, я решила сопоставить положение питомцев в традиционных поселениях индейцев Амазонии и в неолиберальных обществах, прежде всего в США. В рамках этих радикально непохожих друг на друга культур отношение к животным как к приемным детям не расценивается как эксцентричное поведение, напротив, поддерживает традиционный уклад жизни.

¹³⁶ Nagasawa, Mitsui, En, Ohtani, Ohta, Sakuma, Onaka, Mogi, Kikusui 2015: 333.

¹³⁷ Дугаткин, Грут 2019: 162.

¹³⁸ Bodson 2000: 27.

¹³⁹ Haraway 2008: 165.

Животные-дети в аборигенной и неолиберальной культурах

Для индейцев Амазонии забота и уход за питомцами – это социально значимый процесс. Охота на диких зверей остается для них основным источником пищи. При этом коренные этносы Южной Америки считают, что люди должны заплатить символическую цену за присвоение жизни ягуаров, обезьян, черепах, тапиров и других животных сельвы¹⁴⁰.

Для мировосприятия индейцев важна идея взаимности, поэтому, убивая мать, охотники забирают домой ее детенышей и становятся их *со-родителями*¹⁴¹. Женщины племени одинаково внимательно ухаживают за харизматичными питомцами – совами, ленивцами, капибарами – и за «неприятными» зверями, например стервятниками. Маленьких обезьянок, собак и других млекопитающих вскармливают грудью. Также женщины обладают исключительным правом на воспитание птиц вида пекари и попугаев, крупных грызунов коати и диких кошек оцелотов – забота о них восполняет ущерб, который мужчины-охотники причиняют популяциям особо почитаемых животных. Любимые питомцы племени отражают предпочтения индейцев в еде: для аче это коати, для тксикао – капибары¹⁴². Домашних животных считают приемными детьми, вкусно кормят, балуют и никогда не наказывают, каким бы озорным ни было их поведение¹⁴³. Племя стремится искупить убийство взрослых животных через поддержание жизни их потомства, но это происходит лишь на символическом уровне, так как ресурсы поселений позволяют приютить лишь небольшое количество животных-сирот. Антрополог Филипп Эриксон подчеркивает, что аборигены Амазонии не предпринимают попыток одомашнивания диких животных – охотники не отбирают менее агрессивных детенышей, чтобы разводить их вид в неволе, откармливать на убой или держать как верных друзей. В то же время забота о потомстве убитых животных для аборигенов Амазонии не является попыткой консервации – сохранения исчезающих видов. Хотя присутствие диких животных в деревне приносит определенную бытовую пользу (подростающие охотники могут наблюдать за их поведением, изучать звуки и запахи, с которыми они столкнутся в лесу в будущем – на охоте)¹⁴⁴, опека над зверями-сиротами важна для племени прежде всего как жест примирения, попытка восстановить отношения с духами сельвы, отравленные насилием. Также животным, которых взяли в дом, приписывается способность принимать на себя болезни, предназначенные жителям деревни, и помогать людям после смерти: согласно верованиям индейцев Амазонии, духи животных – это психопомпы, проводники в потусторонний мир¹⁴⁵.

В США, как и во многих других странах, питомцев заводят ради компании. По оценке Американской ассоциации производителей товаров для домашних животных, в 2016 году в США число собак и кошек достигло 180 миллионов¹⁴⁶. В этот период 45% американцев жили без детей и всего 33% – без питомцев¹⁴⁷. В основном за счет миллениалов и центениалов (или «поколения зумеров»¹⁴⁸) этот процент уменьшается с каждым годом, а число людей, готовых содержать двух и более питомцев, растет, как и их расходы: в 2021 году американцы потратили

¹⁴⁰ Erikson 2000: 7.

¹⁴¹ Ibid.: 16.

¹⁴² Ibid.: 8.

¹⁴³ Ibid.: 14.

¹⁴⁴ Dienst, Fleck 2009: 230.

¹⁴⁵ Erikson 2000: 19.

¹⁴⁶ Данные исследования American Pet Products Association (APPA), 2017. 89,7 миллиона собак и 94,2 миллиона кошек живут в домах 85 миллионов семей.

¹⁴⁷ Данные исследования American Pet Products Manufacturing Association 2014; данные U. S. Census Bureau, 2015.

¹⁴⁸ Поколение людей, родившихся между 1997 и 2012 годами (по классификации исследовательского центра Pew), с 2000 года по настоящее время (по классификации авторов социологической теории поколений Уильяма Штрауса и Нила Хау).

на домашних животных 123,6 миллиарда долларов – на 20 миллиардов больше, чем в предыдущем году¹⁴⁹. Как и индейцы Амазонии, жители США считают питомцев своими близкими: в 2015 году 95% американцев заявили, что относятся к животным-компаньонам как к членам семьи, 45% опрошенных покупают им подарки на день рождения, а 31% респондентов время от времени готовят еду специально для своих животных¹⁵⁰. В последние два десятилетия происходит смена мотивов, побуждающих людей приобретать питомцев: если раньше трудоспособные взрослые заводили кошек и собак в качестве компаньонов для детей или перед их появлением (для тренировки), то сегодня животных все чаще приобретают *место*. Во многом это обусловлено тем, что прежде стигматизированные модели романтического партнерства становятся социально приемлемыми. Все больше миллениалов предпочитают жить в одиночестве либо поддерживать свободные отношения с партнерами, откладывая создание семьи на потом. Многие выбирают жизнь в коммунах по интересам. Все больше пар, в том числе состоящих в браке, выбирают непродуктивный секс.

В свете этих тенденций домашние животные в США приобретают неофициальный статус *компаньонов бездетности*. В 2017 году социолог Андреа Лорен-Томпсон провела серию глубинных интервью с женщинами, которые сознательно откладывают рождение детей или хотят остаться бездетными до конца жизни. Результаты ее исследования показали, что животные-компаньоны воспринимаются как альтернатива детям, так как полностью удовлетворяют потребность в проявлении материнской заботы. При этом уход за ними стоит сравнительно меньше и позволяет вести привычный образ жизни¹⁵¹ – работать в офисе, ходить на свидания и встречи с друзьями по вечерам без необходимости вызывать няню. Согласно гипотезе Лорен-Томпсон, отношение к животным-компаньонам как к «почти людям», обладающим мышлением и эмоциями, укрепляет привязанность к ним. Это обстоятельство побудило ее причислить питомцев к числу факторов, способствующих сокращению рождаемости, наряду с изобретением контрацепции и доступом женщин к университетскому образованию. На фоне кредитного кризиса жизнь с компаньонами бездетности получила экономическое обоснование: в своей статье для Forbes персональный финансовый консультант, автор книги о разорившихся миллениалах Эрин Лоури подчеркивает, что содержание кошек и собак позволяет сэкономить на детях, что немаловажно во времена финансовой нестабильности¹⁵². Похожие аргументы приводят авторы статей для BBC, Reuters, USA Today и других изданий¹⁵³ – постепенно вслед за США представление о животных-компаньонах как более удобной и дешевой альтернативе детям и внукам становится нормой глобальной культуры.

Социологи Николь Оуэнс и Лиз Грауэрхольц исследовали разные виды межвидовых семей в США – бездетные союзы, домохозяйства с маленькими детьми и «опустевшие гнезда» – и выяснили, как отличается отношение к животным в семьях, где владельцы кошек и собак считают себя их родителями¹⁵⁴. Исследовательницы подчеркивают, что американская модель воспитания детей предполагает интенсивное материнство – вовлечение во все аспекты жизни ребенка, включая удовлетворение физических, эмоциональных, когнитивных и духовных потребностей¹⁵⁵. Интервью показали, что люди, считающие себя родителями кошек и собак, склонны переносить такую модель на взаимоотношения с животными. Пары, у которых еще не появились дети, полагают, что воспитание питомцев – очень похожий процесс, и в соответствии со своими представлениями о роли идеальных родителей уделяют много внима-

¹⁴⁹ По оценке APPA, 2021.

¹⁵⁰ Shannon-Missal 2015.

¹⁵¹ Laurent-Simpson 2017: 586.

¹⁵² Lowry 2016.

¹⁵³ Klein 2019; Choi, Park 2019; Green 2019.

¹⁵⁴ Owens, Grauerholz 2018: 2.

¹⁵⁵ Ibid.: 4.

ния социализации и тренингу животных, в особенности дисциплине поведения в общественных местах. Родители взрослых детей также рассматривают воспитание животных с точки зрения сходства с предшествующей практикой материнства или отцовства, но, в отличие от более молодых пар, в их отношении к питомцам преобладают стереотипы поведения бабушек и дедушек – если первые склонны дисциплинировать питомцев, то последние стараются их баловать. Лишь родители маленьких детей осознают, что опыт их воспитания радикально отличается от заботы о животных-компаньонах в отношении затрат энергии и времени. Интересно, что в процессе интервью представители всех трех категорий «родителей» не упоминали о специфических потребностях своих кошек и собак, их характерах и привычках, а также особенностях *межвидовой* семьи как таковой. Основное внимание они уделяли описанию своего родительского статуса. Анализируя интервью респондентов Оуэнс и Грауэрхольц, можно прийти к выводу, что самоидентификация в качестве родителей кошки или собаки дает бездетным партнерам, живущим вместе, своего рода психологическую лицензию называть свой союз *семьей*. Авторы исследования объяснили это тем, что в американской культуре начало создания семьи связывают не с браком, а с появлением детей, нуждающихся в заботе и воспитании.

Среди респондентов Оуэнс и Грауэрхольц нашлись люди, которые не хотят называть себя родителями своих животных и предпочитают статус друзей, компаньонов или опекунов. Объясняя свою позицию, один из них предположил, что заимствование таких понятий, как «ребенок» и «родитель», для определения отношений с питомцами уже содержит в себе риск превратить кошку или собаку в подпорку для человеческой идентичности¹⁵⁶. Исследование Оуэнс и Грауэрхольц показывает, что отрицание ярлыка «родитель» напрямую связано с распространением этики инаковости и, как следствие, признанием отличий животных от людей и друг от друга. Некоторые «не-родители» – участники опроса вовлечены в работу движений по защите прав животных, остальные принадлежат к научному сообществу и потому знакомы с критикой бытового антропоморфизма. Важно отметить, что среди участников исследования женщины в два раза чаще позиционируют себя как родители своих животных и, как следствие, реализуют свою роль в семье в соответствии с моделью интенсивного материнства¹⁵⁷. Это может быть связано с остаточным влиянием патриархальных стереотипов на самоощущение женщин, их предрасположенность принимать на себя основной объем репродуктивной работы.

На первый взгляд кажется, что концепции животных-детей, типичные для индейцев Амазонии и жителей США, схожи лишь в одном: и те и другие включают в круг родственников представителей радикально других, нечеловеческих форм жизни. Именно это сходство определяет характер повседневных взаимоотношений между животными и людьми в обеих культурах. Статус приемного ребенка делает жизнь шерстистой обезьяны в деревне племени канамари похожей на будни уже знакомого нам Сырка, приобретенного американкой. Вступая в метафорическое родство с питомцем, кодируемое словами «родитель» и «ребенок», человек включает животное в структуру отношений власти и подчинения. Питомцы, как и маленькие дети, неспособные отвечать за свою жизнь, оказываются на дне семейной иерархии как *не-субъекты*, подчиненные родительскому авторитету. И-Фу Туан описал доминирование матери над ребенком как естественное проявление эмоциональной привязанности, во многом схожее с отношением к щенку или котенку:

[Н]а практике [мать] вынуждена обращаться с [ребенком] как с беспокойным молодым животным или даже вещью. Она берет младенца на руки и кладет обратно с уверенностью компетентного специалиста. Одной рукой приподнимает ноги, другой вытирает попу. Чтобы сменить подгузники, она переворачивает ребенка с небрежностью повара, подбрасывающего блин

¹⁵⁶ Ibid.: 9.

¹⁵⁷ Ibid.

на сковороде. Чуть позже приучает его к туалету, как щенка, которого взяли в дом. В ходе такого обучения приказы и порядок их выдачи практически одинаковы в обоих случаях. Маленький ребенок – это часть дикой природы, которую нужно покорить и приспособить к играм, превратив в милое, приятное для объятий создание или миниатюрного взрослого, – как почитает нужным мать, родная или приемная¹⁵⁸.

Проходит время, и ребенок вырастает из состояния не-субъекта, становится охотником на диких зверей или инвестбанкиром, рано или поздно у него появляются свои дети, а иногда он сознательно отказывается производить на свет новую жизнь. Напротив, животное-компаньон, принятое в семью на правах ребенка, обречено на *пожизненное детство*. И в тропических лесах, и в современных городах животные-компаньоны считаются детьми, которые не взрослеют. В США и Европе, а также в восточноевропейских и азиатских культурах, заимствующих западную модель отношения к питомцу как члену семьи, концепция животного-ребенка опирается на предрасположенность прирученных животных сохранять некоторые инфантильные черты внешности и поведения на протяжении жизни. Также распространению межвидового родительства способствует популярность карликовых пород и рост ассортимента трогательных аксессуаров. Что касается диких животных на содержании у коренных жителей Южной Америки, то пожизненный детский статус оправдан предписанной им задачей – принимать еду от семьи охотника, то есть функционировать как живой алтарь для умиротворения духов сельвы. Несмотря на строгую регламентацию этой ролевой игры, животные, принятые в семью, часто искренне любимы своими опекунами. Тем не менее некоторые питомцы в неволе не доживают до взросления, именно поэтому индейцы не забирают домой птенцов тинаму, которые слишком быстро погибают в непривычной среде¹⁵⁹.

¹⁵⁸ Tuan 1984: 115.

¹⁵⁹ Dienst, Fleck 2009: 229.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.